Завещание
ШЕРЛОКА
ХОЛМСА
Боб Гарсиа

Боб Гарсиа
Завещание Шерлока Холмса

Вычитка Владимир
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159989
Гелеос; 2007
ISBN 978-5-8189-0831-1
Оригинал: “Le testament de Sherlock Holmes”
Перевод:
Ю. Воркуев

Аннотация

Трагическая случайность унесла жизнь гениального сыщика Шерлока Холмса. Но даже из мира иного он продолжает удивлять своих друзей.

Доктор Ватсон, Лестрейд и Майкрофт Холмс приглашены к нотариусу на оглашение завещания знаменитого сыщика. Выясняется, что в последние годы жизни Шерлок Холмс пытался разгадать тайну коварного и, возможно, наделенного сверхъестественными способностями преступника, совершившего пятнадцать кровавых убийств. Каждое из них по своей жестокости превосходило все, что Холмсу приходилось когда-либо видеть. В своем завещании он поручает друзьям поставить последнюю точку в этом загадочном деле!

На русском языке печатается впервые!

Содержание

1	4
2	9
3	19
4	34
5	40
6	55
7	58
8	67
9	74
10	83
11	88
12	93
13	104
14	111
15	115
16	124
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Боб Гарсиа
Завещание
Шерлока Холмса

Памяти Джереми Бретта

1

Я сидел у камина в маленькой квартирке на Бейкер-стрит, терзаемый безграничной меланхолией. Рядом стояло кресло Шерлока Холмса – оно опустело навеки. Нависшие над Лондоном густые, тяжелые облака придавали городу унылый вид. Приглушенные звуки улицы казались такими же мрачными, как звуки похоронной процессии. Я остался один. Меня одолевали воспоминания, и я готов был расплакаться.

Ужасная новость стала известна ночью. Каждая газета спешила отдать дань уважения моему товарищу. Сиюминутные знаменитости, воспользовавшись всеобщей горячкой, вспоминали о былых встречах с гениальным детективом и чуть ли не причисляли себя к его самым близким людям. Химики, криминалисты, ученые воспевали его талант и твердили о неоценимом вкладе вдохновенного самоучки в развитие самых разных областей науки. Никогда за всю свою жизнь

Шерлок Холмс не удостаивался таких похвал. Он умер, так и не узнав, что у него столько друзей.

Но я, доктор Джон Х. Ватсон, знал наверняка: в действительности лишь немногие могут похвастать тем, что были с ним по-настоящему близки. Скольких верных друзей ему не хватало? Рассчитывать на помощь и поддержку своей семьи ему почти не приходилось. Я знал лишь его брата, Майкрофта. Этот человек, казалось, так же был лишен сантиментов и человеческого тепла, как и мой несчастный друг.

По городу поползли слухи о причине его смерти. Одни полагали, что он умер за рабочим столом, как настоящий мученик науки. Другие были уверены, что всему причиной наркотики.

Пресса вдохновилась этим событием и придумывала все новые невероятные сценарии. Воображению журналистов не было предела. Так, стало известно из достоверного источника, что Шерлок Холмс, тестируя изобретенный им состав, погиб в ванной, наполненной соляной кислотой. Были и менее страшные версии: скончался от укуса пчелы, в пылу своего любимого занятия; собирая вишни, упал с лестницы и разбил затылок; задохнулся, проглотив рыбную косточку. В журнале для молодых девиц появилось сообщение о том, что Холмс, несмотря на свой возраст, скончался от несчастной любви; а один журнал опубликовал сенсационную новость, что он умер от сердечного приступа, узнав, что профессор Мориарти – его сводный брат. Наконец, оптимисты уверяли,

что он все еще жив. Действительно, опознание тела Холмса нельзя было назвать безоговорочным. А именно: в глубине подвала его дома в наполненной кислотой ванной было обнаружено нечто желатинообразное. Это нечто лишь весьма отдаленно напоминало человеческое существо.

Но и этого журналистам показалось мало, и они поставили под сомнение мои мемуары! Одна ежедневная газета, которая не могла похвастать широким кругом читателей, утверждала, что Шерлока Холмса никогда не существовало и что его смерть (как и жизнь) – плод неисчерпаемой фантазии его так называемого биографа. У нее даже нашлись тому доказательства. Другая газета хотя и признавала, что Шерлок Холмс – не миф, но ставила мне в упрек то, что я якобы скрыл от общественности его многочисленные неудачи. В действительности же мой друг исключительно редко терпел поражения, и я рассказывал о них так же откровенно, как и о его успехах.

Все это было на моей совести. Я всегда старался одинаково достоверно излагать подробности всех приключений моего знаменитого друга. За одним исключением, однако. Холмс запретил мне публиковать серию мрачных дел, которые я собрал в сборнике под условным названием «Ужас над Лондоном». Мой друг попросил у меня разрешения забрать эти заметки, чтобы внести в них некоторые подробности. Я, разумеется, выполнил его просьбу, которую счел вполне правомерной, но с тех пор больше никогда не видел своего

сочинения. За исключением этой детали ничто не мешает мне считать себя официальным и исчерпывающим биографом знаменитого Шерлока Холмса.

Что касается его смерти, то в ней я не видел ничего загадочного. Было совершенно ясно: Шерлок умер от скуки. Оставив свою интересную профессию много лет назад, мой товарищ жил в полном уединении в загородном доме, изредка выбираясь за его пределы. Состояние его здоровья действительно вызывало опасения, и, несмотря на мои регулярные предупреждения, он продолжал принимать наркотики. За все время его уединенного существования я лишь однажды навестил его, спустя несколько лет после нашего расставания. Эта последняя встреча была настолько мучительной, что мне и по сей день больно вспоминать о ней.

Вот какие мысли блуждали в моей голове, когда звук колокольчика с первого этажа вернул меня к действительности. Прошло несколько минут, прежде чем миссис Хадсон, давно утратившая былую подвижность, прихрамывая и тяжело дыша, принесла мне письмо. Я прочел:

«Дорогой доктор Ватсон!

Наш покойный друг, мистер Шерлок Холмс, поручил мне пригласить Вас на чтение его завещания. Прошу Вас быть в моей конторе завтра ровно в 10 часов утра. Дата и время были установлены самим мистером Холмсом.

Мэтр Уильям Олборн, нотариус, Линкольнз-Инн, 23».

Это письмо согрело мне душу. То, что мой друг пригла-

шал меня на чтение своего завещания, означало, что он не забыл обо мне, несмотря на драматические события, сопровождавшие наше расставание.

Я заснул поздней ночью. Меня одолевало небывалое беспокойство. Я и не предполагал, что Шерлок Холмс вовлечет меня в самое невероятное приключение из всех, которые мне суждено пережить.

2

Экипаж подъехал к Чансери-лейн, и я оказался у входа в большой сквер, именуемый Линкольнз-Инн-филдз. Это место почти не изменилось. Царящие в нем покой и тишина казались еще полнее на фоне грохота соседних улиц. Парк, чудом уцелевший в водовороте лет, напоминал монастырский сад. С одной его стороны стояло величественное древнее здание; в низких постройках, окружавших его, находились канцелярии адвокатов и нотариусов, имевших самую лучшую и древнюю репутацию в столице. В углу сквера широкая мраморная лестница вела в канцелярию нашего старинного друга, мэтра Уильяма Олборна.

Опираясь на трость и забыв о ревматизме, дрожа от нетерпения, я бодро преодолел два этажа и оказался в назначенном месте в 9 часов 50 минут.

Клерк проводил меня в огромный кабинет, где ничего не изменилось со времени моего последнего визита – пятнадцать лет назад. Сквозь матовые стекла высоких окон в помещение проникал сине-зеленый свет, придавая комнате сходство с часовней. Все здесь казалось застывшим навеки. На потолке, позолоченном и отделанном под мрамор, висела большая хрустальная люстра. Вся мебель, начиная с письменного стола и заканчивая круглым журнальным столиком, не располагала к радужным фантазиям, а воздух пропитал-

ся запахом мебельного воска. Высокие стеллажи были заставлены сочинениями в кожаных обложках, которые, казалось, превратились в прах за давностью лет, а развешанные по стенам многочисленные картины с потрескавшейся краской в старинных позолоченных рамах представляли различные виды Лондона и создавали мрачную, почти нездоровую атмосферу.

Настенные часы в углу комнаты уныло смотрели на эти траурные декорации. За спиной мэтра Олборна, в огромном камине елизаветинской эпохи, потрескивал огонь, а висевшие над ним ровным рядом суровые лица предков, целой династии нотариусов, подтверждали вековую компетенцию кабинета Олборна.

Нотариус приветствовал меня с достоинством, соответствующим обстоятельствам. Он, как и все вокруг, не изменился. Разве что на лбу и в уголках глаз появились новые морщины. Выглядел он таким же уставшим и разочарованным, каким я его знал всегда. Работая нотариусом, он отдавал дань традиции и исполнял свой долг по привычке, без особого рвения и радости.

Наша беседа продолжалась уже несколько минут, когда в комнату вошел маленький человечек с пристальным взглядом и крысиным личиком. Каково же было мое удивление! Я не видел его много лет, но, даже если память изменяла мне теперь чаще, чем прежде, я все равно мгновенно узнал Лестрейда. Его лицо, как и раньше, не вызвало у меня осо-

бой симпатии. Полицейский скорчил недовольную, презрительную гримасу, свойственную выскочкам, имеющим о себе чрезвычайно высокое мнение. Его восхождение по карьерной лестнице, естественно, только усилило свойственное ему чувство собственного превосходства. Заметив меня, он направился в мою сторону с распростертыми объятиями и, к моему величайшему удивлению, наградил меня страстным поцелуем, будто мы были старыми друзьями, встретившимися после долгой разлуки. По его мнению, так оно и было. Хотя в своих рассказах я никогда не был по отношению к нему слишком милостив.

– Доктор Ватсон, я думал, вас уже нет на свете! – воскликнул он с присущим ему чувством такта.

– Спасибо, это очень тонкая мысль.

– Ну, я хотел сказать… Какая радость узнать, что вы еще живы.

Нотариус наблюдал за нами поверх своего пенсне.

– Думаю, представлять вас не нужно. Вы наверняка хорошо знакомы.

Считая себя главным из нас двоих, Лестрейд ответил:

– В свое время мы были отличной командой, доктор Ватсон и я. Мы ловили преступников и раскрывали самые запутанные дела.

– Вы и я? Кажется, вы забыли кое-кого.

Лестрейд сжал пальцами подбородок и поднял глаза к потолку.

– Ах да! Вы имеете в виду того несчастного детектива-любителя, который недавно скончался. Сейчас все только и говорят о его былых подвигах.

Это было чересчур.

– Смею вам напомнить, что вы находитесь здесь по приглашению моего покойного друга, Шерлока Холмса.

Правым кулаком он ударил в левую ладонь.

– Шерлок Холмс! Вот имя, которое я никак не мог вспомнить!

Я бросил на него испепеляющий взгляд. Он прищурил глаза и поспешил исправить свой промах.

– Да, это правда. Все эти посмертные знаки внимания, фальшивые похвалы – все это неуместно. Оставим мертвых там, где они есть, и не будем осквернять их память.

Лестрейд едва успел закончить фразу, как в комнату вошел новый посетитель. Если полицейский внешне почти не изменился, то мне понадобилось некоторое время, чтобы узнать во вновь прибывшем Майкрофта Холмса. Привычка сидеть дома отпечаталась на его талии. Полнота придавала ему хмурый вид и некоторую неуклюжесть. Зато его лицо излучало добродушие, а взгляд из-под густых ресниц светился умом. С длинной бородой и густыми седеющими волосами он был похож на библейского патриарха. Его будто окружала аура силы и превосходства. Он поприветствовал нас мимолетной улыбкой и опустил свое потяжелевшее тело в кресло, на которое указал мэтр Олборн.

Нотариус занял место за письменным столом.

– Теперь мы все в сборе и можем начинать, – сказал он.

Лестрейд посмотрел на меня. Должно быть, в его голове возник тот нее вопрос: «Все в сборе?» Разве Шерлок Холмс не имеет права быть среди нас? И что он мог завещать троим столь разным людям – Лестрейду, брату Майкрофту и мне?

Нотариус попросил нас проверить конверт, в котором лежало завещание. Мы подтвердили подлинность печати и подписи.

– Перед нами конверт, содержащий завещание мистера Шерлока Холмса. Я прочту вам это завещание, узнав его содержание одновременно с вами.

Он разрезал конверт ножом и вынул из него лист бумаги, исписанный вручную. Мы все ждали, широко раскрыв глаза от нетерпения. Мэтр Олборн с невыносимой медлительностью надел пенсне, откашлялся и принял торжественную позу.

– «Я, Шерлок Холмс, в здравом уме и трезвой памяти, завещаю все свое имущество, а именно свою скрипку, моему любезному другу доктору Ватсону. Дорогому Лестрейду, полицейскому, исполненному уверенности и полному всяческих убеждений, я завещаю свои сомнения и сожаления. Моему дорогому брату я оставляю свои заключения и выводы, которые в нужный момент могут сослужить ему добрую службу. Мэтру Олборну, верному читателю моих приключений и научных работ, я завещаю все свои последние

труды, которые дополнят его славную коллекцию. Я прошу всех собравшихся внимательно выслушать рассказ, находящийся в приложении к данному письму. Этот текст должен быть прочтен единожды и целиком мэтром Олборном. Чтение может затянуться, поэтому я взял на себя смелость заказать для вас еду и напитки, чтобы поддержать ваши силы. Такова моя последняя воля». Письмо подписано, датировано и засвидетельствовано двумя свидетелями. Все документы в порядке.

На лице Лестрейда отразились замешательство и недоумение. Майкрофт с мечтательным видом рассматривал потолок. Нотариус так широко раскрыл глаза, что стал похож на сову, захваченную врасплох дневным светом. А я спрашивал себя, какую игру затеял с нами старик Холмс спустя всего несколько дней после своей смерти. Лестрейд внезапно воскликнул:

– Что все это значит? Этот… детектив-самоучка завещает мне свои сомнения и сожаления? Это ведь бессмыслица какая-то!

Майкрофт бросил на него укоризненный взгляд.

– Ну и что с того? Я – его родной брат, и тем не менее не собираюсь поднимать шум из-за этого немного странного завещания.

– Немного странного! – вне себя повторил полицейский.

– Вспомните, что он завещал мне. Какие-то «заключения». Я даже не знаю, что он имел в виду.

Лестрейд поднялся и решительно направился к двери.

– Я уже вышел из возраста загадок и ребяческих шуток!

– Шерлок Холмс, вероятно, хотел сообщить нам что-то важное, – возразил я. – Кроме того, его завещание не такое уж и странное – мне он завещал свою скрипку. Это знак нашей крепкой дружбы. Он даже подумал о завещании для мэтра Олборна!

Нотариус задумчиво почесал кончик носа.

– И правда. Я не ожидал такого подарка. Я действительно был страстным читателем всех его сочинений. Я очень тронут тем, что он не забыл об этом.

– Но где же тот рассказ, о котором говорится в завещании? – спросил я.

Нотариус еще раз опустил руку в пустой конверт, будто надеясь отыскать там что-то еще.

– Да, действительно, где же рассказ? В конверте только письмо, которое я вам прочел.

– Поскольку это достойное сочинение, вероятно, существовало лишь в его воображении, я не вижу ничего, что еще могло бы меня здесь задержать, – заключил Лестрейд.

Не успел полицейский распахнуть дверь кабинета, как столкнулся с двумя клерками, которые держали несколько огромных пакетов.

– Куда положить это, мэтр? – спросил первый. Нотариус удивленно вскинул брови.

– Пища, доставленная по заказу мистера Холмса, – объ-

явил один из клерков. – А рассыльный принес еще приложение к завещанию.

– И конверт, адресованный лично вам, – добавил второй, вздыхая под грузом своей ноши.

Майкрофт Холмс и я обменялись озадаченными взглядами. Поскольку нотариус, похоже, ничего не понимал, первый клерк продолжил:

– Рассыльный сказал, что вы в курсе и что вы ожидаете этот конверт, мэтр.

– Да, конечно, в определенном смысле.

Он указал на лакированный стол из красного дерева рядом с дверью.

– Положите туда пакеты и конверт и подайте мне это пресловутое приложение.

Клерки сложили объемные свертки и исчезли.

Лестрейд, ворча, вернулся в свое кресло. Мэтр Олборн вскрыл конверт.

Нашему взору предстала рукопись не менее чем из тысячи страниц. Мне стало понятно, почему Шерлок Холмс написал в своем завещании: «Чтение может затянуться, поэтому я взял на себя смелость заказать для вас еду и напитки, чтобы поддержать ваши силы».

Нотариус с печальным видом приподнял рукопись на ладони, будто взвешивая ее, и не смог сдержать тяжелого вздоха, оценив объем предстоящей работы. Он посмотрел на часы.

– Ну раз уж такова его последняя воля…

Майкрофт Холмс указал взглядом на свертки с едой и напитками, которые заняли весь стол.

– Мы ведь никуда не спешим. И с голоду уж точно не умрем.

Лестрейд раздосадованно пожал плечами. Судя по выражению его лица, настроение у него было прескверное.

Мэтр Олборн снова надел пенсне и сделал глубокий вдох.

– «Ужас над Лондоном», сочинение доктора Джона Х. Ватсона…

Я подскочил на своем кресле.

– Моя рукопись!

– Вам знаком этот документ, мистер Ватсон?

– Конечно! Это моя рукопись.

– Она не была опубликована?

– Нет. Шерлок Холмс забрал ее у меня. Он собирался внести изменения. В любом случае в том виде, в каком она была, ее нельзя было публиковать. Многое нужно было переделать, а что-то и вовсе удалить…

Мэтр Олборн снова с уважением посмотрел на увесистый труд.

– Вот это все меняет. Неизданное приключение великого детектива. Чтение обещает быть захватывающим.

Лестрейд не разделял его бурного энтузиазма.

– Эта рукопись не содержит ничего, что не было издано. Я знаю все истории, на которые вы намекаете. Мы ведь не

собираемся снова прочесть о десятках преступлений только из-за того, что такова последняя воля Шерлока Холмса?

– Не о десятках, их всего пятнадцать. Пятнадцать дел, ни больше ни меньше.

– Ну пятнадцать так пятнадцать, раз уж вам так хочется. Но и это слишком много для дел, которые уже раскрыты. Преступники найдены и…

– Вы в этом уверены?

– Разумеется, ведь именно я вел эти расследования.

– Разумеется.

– Более того, я не понимаю, каким образом это сочинение может являться приложением к завещанию Холмса.

– Действительно, – согласился нотариус, – это довольно необычно.

Майкрофт Холмс бросил на Лестрейда пронизывающий взгляд.

– Это последняя воля моего брата. Мы обязаны уважать ее.

Сказав это, он движением руки попросил нотариуса покориться.

Лестрейд скрестил руки на груди, весь его вид свидетельствовал о крайнем раздражении.

– Чем раньше мы начнем, тем скорее закончим!

Мэтр Олборн откашлялся и приступил к чтению рукописи.

3

День повис в сумеречной атмосфере, будто забыв заняться. Зиме не было видно конца. На улице едва можно было вздохнуть. Промозглая стужа сковала Лондон. Глаза краснели, легкие были раздражены, дыхание свистело, все щурились и чихали с утра до вечера. Город наполнился зловонием. Туман стал желтым. Угольная пыль с сахаро-рафинадных заводов и с фабрик Ист-Энда[1] придавала строениям погребальный вид, а памятники походили на трубочистов.

С начала холодов в городе было зарегистрировано небывалое число смертей. У Лондона были все шансы побить мрачный рекорд зимы 1886 года, когда 11 500 человек скончались от бронхита, эмфиземы и астмы. Бездомные замерзали десятками. Темза местами покрылась льдом, и сырой холодный ветер гулял по городским улицам.

Даже я, никогда прежде не имевший проблем со здоровьем, не мог до конца излечиться от возвратного тифа.

Обессиленный, я проводил целые дни в нашей квартире в ожидании благоприятных перемен, которые позволили бы мне наконец выйти на улицу. Каждый день моя деятельность ограничивалась описанием приключений моего товарища и чтением модных романов, которые приносил мне мой друг

---

[1] Ист-Энд – восточная (беднейшая) часть Лондона.

и литературный посредник Лондон Кайл.

В тот вечер я задремал, убаюканный потрескиванием огня в камине и стуком дождя в оконное стекло. Холмс склонился над письменным столом. Он без устали изучал свою картотеку и криминальные архивы.

Мой сон прервал звук колокольчика у входной двери. Почти сразу после этого с лестницы донесся шум торопливых шагов. Мы услышали мужской голос, прерываемый протестами миссис Хадсон:

– … увидеть мистера Холмса… очень срочно…

– Вытрите ноги… вы ведь все перепачкаете…

– Да оставьте меня… нет времени… дело государственной важности…

Внезапно на пороге нашей комнаты возник великолепнейший экземпляр сыщика, запыхавшийся и обливающийся потом, в сопровождении разъяренной миссис Хадсон.

– Этот господин… – начала она.

Лестрейд не слишком учтиво отстранил нашу хозяйку.

– Холмс, побег! Миллбэнк! Сегодня утром!

Мой друг поднял голову и посмотрел на вновь прибывшего.

– Успокойтесь, друг мой. Сядьте поближе к камину и расскажите, что произошло.

Полицейский отряхнулся, как мокрая собака, и плюхнулся в кресло, издав звук упавшей груды влажного белья. Он хотел вытереть лоб рукавом, но в результате еще больше на-

мочил лицо.

– Заключенный, некий Марк Дьюэн, исчез.

– Когда обнаружили побег?

– Сегодня утром, в начале седьмого. Ночной сторож только ушел, а его дневной коллега приступил к службе. Он обнаружил, что камера номер двадцать четыре пуста, а, дверь заперта. Настоящая загадка.

Лестрейд сделал неопределенный жест рукой. Брызги воды оросили паркет.

– Заключенный будто испарился. Тюрьма Миллбэнк знаменита своей надежностью. Оттуда еще никому не удавалось бежать. Нужно отыскать беглеца. Время не терпит.

Холмс набил трубку свежим табаком и закурил.

– Зачем вы молчали 19 часов, прежде чем сообщить мне об этом?

Полицейский поднялся. Он будто ждал этого вопроса.

– Мы… мы обшарили всю тюрьму сверху донизу, весь день искали улики. Мы рассчитывали допросить ночного сторожа, но он не вышел на службу в шесть часов вечера.

Холмс затянулся и некоторое время внимательно разглядывал завитки дыма, устремившиеся к потолку.

– В таком случае ваша загадка вовсе не загадка. Его спокойствие раздражало полицейского.

– Вы ведь не хотите сказать, что знаете, где находится заключенный?

Следуя привычке, которая многих выводила из себя, мой

друг не ответил прямо на вопрос.

– Отбросьте все нереалистические гипотезы, мой дорогой Лестрейд. Разгадка в той версии, которая останется, даже если она покажется вам невероятной.

Лицо «дорогого Лестрейд а» в тот момент выражало изумление и досаду. Что касается меня, то я уже давно потерял способность удивляться чему бы то ни было. Кроме того, мне было хорошо известно, что мой товарищ не даст никакого объяснения, прежде чем не убедится в достоверности своих гипотез.

Холмс встал, потянулся, надел пальто, старательно застегнул его до самого воротника и неторопливо направился к двери. Лестрейд, громко топая, устремился за ним.

Удача улыбнулась нам. Свободный экипаж проезжал мимо дома 22lb именно в тот момент, когда мы из него вышли. Несмотря на проливной дождь и скользкую дорогу, Лестрейд приказал кучеру гнать во весь опор. В течение поездки наш друг тщетно пытался высушить свою одежду, проклиная погоду. Я краем глаза наблюдал за Холмсом. Казалось, он дремал. Но я знал, что мозг его работает в полную силу. Чего бы я только ни отдал, чтобы хоть на мгновение проникнуть в мысли этого невероятного механизма дедукции!

Исправительная тюрьма Миллбэнк стояла на месте крепости, построенной в двенадцатом веке. С зубчатыми башнями, бойницами и стенами из строительного камня, износившимися со временем, она, казалось, выплыла из густых

туманов Средневековья. Не хватало только подъемного моста и водяного рва, чтобы дополнить это впечатление средневекового замка.

Нас встретил – если здесь уместно это слово – толстый, неряшливо одетый человек. Мясистые багровые щеки свисали с обеих сторон его тупого лица, почти голый череп походил на тундру, усеянную шальными прядями, колышущимися на ветру. Каждый его жест вызывал волну, сотрясавшую жир на руках и животе. Он нерешительно протянул нам руку, влажную от пота.

– Балтимор Компостел, начальник тюрьмы. Вы не сообщили о своем визите заранее.

Мягко говоря, наше присутствие не вызывало у него энтузиазма. Его блуждающий взгляд походил на взгляд мальчишки, который наделал глупостей и теперь трясется от страха, зная, что его будут ругать. То и дело вытирая пот со лба куском тряпки, которая прежде, видимо, была носовым платком, он быстро пробормотал, едва переводя дух:

– Мы имеем дело с неразрешимой загадкой, мистер Холмс. Этого никак не могло произойти. Еще никто не убегал из Миллбэнк и…

Холмс остановил его движением руки.

– Я знаю, Лестрейд мне уже все рассказал.

– … последствия этого могут быть весьма трагическими, – продолжал человек, не сбавляя темпа. – Заключенные Миллбэнк – самые опасные преступники во всей Англии.

Раз уж на то пошло, почему бы не на всей планете? Мне показалось, что он слегка сгущает краски. Это ведь не первый случай в Англии, когда уголовник сбегал из тюрьмы.

Несмотря на холод, Компостел был потным, как бык. Впрочем, чем дольше я наблюдал за ним, тем большим казалось его сходство с этим животным. Источаемый им мускусный запах лишь усиливал сходство. Его тело окружала тошнотворная дымка, будто он только что вернулся с пахоты. Едва переставляя ноги, он побрел к одной из башен.

– Я провожу вас к камере, из которой он сбежал.

Следуя за ним по мрачным и влажным закоулкам, Холмс обрушил на него шквал вопросов:

– У кого-нибудь была возможность проникнуть в тюрьму этой ночью?

– Нет, это исключено. Наши механизмы безопасности непреодолимы. В Миллбэнк невозможно ни войти, ни выйти из него с 18 часов вечера до 6 часов утра.

– Ну что я вам говорил! – воскликнул Лестрейд, завершив высказывание громким чихом.

– На каждом этаже сторожа, – продолжал Балтимор Компостел, – а решетки запирают снаружи висячими замками. Далее сторож не может выйти. Кроме того, все выходы тюрьмы запираются и находятся под охраной днем и ночью.

– Ночной сторож заметил что-нибудь необычное во время своей смены?

– Мне об этом ничего не известно. Во всяком случае, он

не сделал никаких записей в своем реестре.

– Чем он занимался в ночь перед побегом?

– Кажется, он заходил к заключенному в камеру номер двадцать четыре. После этого вернулся на пост охраны. Какое-то время он общался через решетку со сторожем срединного блока, а затем занялся чтением книги при свете свечи и читал до прихода дневного сторожа.

– Что известно о сбежавшем заключенном?

– Некий Марк Дьюэн, тридцати девяти лет, адвокат, осужден на два года за долги.

Холмс озадаченно нахмурил брови.

– За долги? Вы же сказали, что этот человек очень опасен…

Компостел смешался.

– Ну да, то есть нет. Я хотел сказать, что наши преступники в большинстве своем очень опасны. Но ради своей репутации мы должны поймать этого беглеца. Вы понимаете?

Мы понимали это так же хорошо, как и то, что этот человек что-то от нас скрывает.

– Удалось ли вам обнаружить в камере какие-нибудь улики? – спросил Холмс.

Компостел порылся в кармане своей куртки и протянул Холмсу клочок отсыревшей бумаги.

– Да. Эту записку мы нашли на его койке. Мой товарищ громко прочел: «Моя месть будет соизмерима с моими страданиями. Мои мучители познают муки ада. Я разыграю пе-

ред ними кровавый до тошноты спектакль. Быть может, тогда они поймут, что мне пришлось пережить». Великолепно. Когда Марк Дьюэн должен был выйти из тюрьмы?

– Через два дня.

Холмс округлил от удивления глаза.

– Но зачем же ему потребовалось бежать всего за два дня до освобождения?

Компостел снова вытер пот со лба.

– Не знаю.

– А сторож – что вы можете сказать о стороже?

Начальник тюрьмы медлил с ответом, будто опасаясь за последствия своих слов.

– Сторож? Реджинальд Фостер. Образец серьезности и пунктуальности.

Тем временем мы дошли до камеры 24. Это было мрачное помещение эпохи феодализма с массивной деревянной дверью. Петельные крюки и замок, должно быть, были делом рук великанов. Крошечное окошко с толстыми прутьями решетки – вот все, что соединяло камеру с внешним миром. Температура воздуха в камере едва превышала пять градусов. Свет дня лишь изредка достигал заключенного, а сквозь стены толщиной по меньшей мере в метр сочилась вода. Пол был покрыт темно-красной плиткой, грязной и плохо подогнанной. Заплесневелое убогое ложе составляло единственный предмет мебели этого помещения.

Холмс прекратил расспрашивать Компостела. Он вдруг

встал на четвереньки и стал изучать пол при помощи огромной лупы, с которой никогда не расставался. Переползая из одного угла камеры в другой, он негромко похрюкивал, как свинья в поисках трюфелей. Заглянув под кровать, он принялся скрести плитку, уж не знаю, зачем ему это понадобилось. Компостел растерянно следил за его перемещениями.

Иногда исследования моего друга могли длиться несколько часов, но на этот раз спустя несколько минут он уже был на ногах.

– Заключенный покинул здание тюрьмы через главный выход на глазах у всех в шесть часов утра.

Тело директора тюрьмы будто обмякло. Лестрейд, который никогда не боялся лишний раз повториться, высказал на редкость оригинальное возражение:

– Это невозможно. Вам ведь сказали, что еще никому *никогда* не удавалось бежать из Миллбэнк!

Холмс отмахнулся от этого замечания и повернулся к директору.

– Где в настоящий момент находится ночной сторож?

Взгляд Компостела затерялся где-то в углу камеры.

– Мы не знаем. Он должен был выйти на службу сегодня в 18 часов, но его до сих пор нет.

Холмс ткнул указательным пальцем, будто карательным жезлом, в сторону разгоряченного тела быка.

– Он больше никогда не выйдет на службу, и вы это прекрасно знаете!

Директор тяжело опустил свое громоздкое тело на кровать, которая заскрипела под таким непривычным грузом. Это ужасное недоразумение открылось ему в тот же момент, что и мне: заключенному удалось бежать, заняв место охранника.

Балтимор Компостел спросил бесцветным голосом:

– Но если Дьюэн сбежал, то где же Фостер?

– Он прямо под вами, – произнес Холмс, – это очевидно.

Компостел вскочил с кровати, будто подброшенный пружиной. На его лице отразилась настоящая паника.

Резким движением Холмс отодвинул кровать от стены, открыв нашему взору место, где выложенный плиткой пол был особенно неровным. Он без малейшего труда снял несколько плиток с помощью инструмента для чистки трубок, затем попросил принести ему лопату и принялся копать землю.

То, что мы обнаружили, было ужаснее всего, что мне довелось видеть за свою жизнь, включая страшную войну в Афганистане.[2] Тело несчастного, покоившегося там, было страшно изуродовано. Лестрейд, мертвенно-бледный, с разинутым ртом, протирал глаза. Начальник отвел взгляд и вышел из камеры, схватившись за живот. Холмса, казалось, его находка вовсе не удивила. Он только сказал:

– Интересно.

Я не видел ничего интересного в этой отвратительной гробнице. Мой товарищ засучил рукава и продолжил рас-

---

[2] Вторая война Англии в Афганистане (1878–1890)

копки голыми руками. С помощью старого сторожа, наиболее загрубевшего из всех нас, он раскопал несколько сломанных костей с бесформенными клочками мяса, а затем страшно развороченное тело. Холмс извлек из трясины разорванные куски тела, покрытые клочками грязной одежды и торфом. Наконец он достал голову, или то, что от нее осталось. Холмс попытался очистить ее как можно лучше. На лбу виднелась странная отметина, по форме напоминающая крест. Преступник, должно быть, убил жертву, перед тем как разрубить ее на части.

Проделав эту сложную работу, Холмс попытался сложить тело из этих жалких человеческих останков. Внезапно Лестрейд выбежал из камеры, будто он зашел сюда только для того, чтобы посмотреть, что тут происходит. Что касается меня, то мне огромного труда стоило бороться с приступами тошноты.

Холмс вырвал длинный нож из бесформенной массы тела и тихо повторил:

– Интересно.

Он продолжал копаться в земле, извлекая мельчайшие объекты, которые затем вытирал и рассматривал под лупой. После этого он повернулся к старику-сторожу, готовому оказать ему помощь, и кивком указал на труп:

– Вы узнаете в нем Фостера?

Сторож развел руками, будто извиняясь.

– Не могу вам сказать. Я так ни разу и не разглядел его

как следует, с тех пор как он появился здесь. В камере всегда полумрак.

– А этот Марк Дьюэн – он когда-нибудь убивал?

– Маловероятно.

– Почему вы так думаете?

– За тридцать лет службы в тюрьме я многих преступников перевидал. Этот, возможно, и был самым злостным грабителем, но вид крови пугал его. Помню, как-то раз ему нужно было выдрать два коренных зуба, здесь и здесь.

Сторож вытер руки о полы куртки, широко раскрыл рот и показал на свои зубы. Мы так и не поняли, о каких именно зубах он говорил.

– Он предпочитал умереть от страданий, чем попасть к тюремному дантисту. Уже за неделю до этого он дрожал от страха. Надо заметить, у нашего дантиста действительно репутация не из лучших.

Лоб Холмса прорезала складка.

– Его навещали родители или родственники?

– Нет. Визиты в нашей тюрьме крайне редки, и начальник делает все, чтобы свести их к минимуму. Да у Дьюэна и не было семьи.

– Водился ли он с кем-нибудь из заключенных?

– Это невозможно. Заключенные не могут обменяться и словом. Устав тюрьмы это запрещает.

– Даже во время ежедневной прогулки?

– Да. Заключенные надевают капюшоны, мешающие им

общаться. И сторожа не имеют права с ними заговаривать, особенно новички.

Холмс приподнял брови.

– Новички? – Он указал на труп.

– Да, несчастный Реджинальд Фостер, которого мы только что откопали. Недолго ему пришлось отслужить.

– Недолго? Сколько же?

– Вчера был его первый день.

Холмс вскочил и тотчас окликнул директора тюрьмы, который ожидал нас в коридоре.

Балтимор Компостел вернулся в камеру, бледный как призрак. Он закрывал рот тряпкой, которая служила ему носовым платком. Я заметил, что он избегает смотреть моему другу в глаза.

Холмс резко спросил:

– Вы можете опознать этого человека?

Компостел подавил приступ тошноты и бросил быстрый взгляд на труп.

– Это он. Фостер.

Ему не терпелось быстрее покончить со всем этим.

– Спасибо за все, мистер Холмс. Я… я не смею более злоупотреблять вашим временем.

Холмс выпрямился и смерил быка с головы до ног взглядом ястреба, готового броситься на добычу. Вены на его шее вздулись.

– Не следовало тем более злоупотреблять моим доверием!

Компостел вжался в стену.

– Я… я не понимаю.

Холмс смотрел начальнику прямо в глаза.

– Вы не все рассказали мне о Реджинальде Фостере, – он скрестил руки на груди. – Я жду ваших объяснений.

Компостел обмяк на глазах.

– Если вы узнали о Фостере, то и все остальное разгадаете рано или поздно. Вы ведь для этого здесь, не так ли?

– Так говорите же! – воскликнул Холмс, топнув от нетерпения.

Директор тюрьмы испуганно покосился на дверь и приблизил к нам свою потную голову. От резкого запаха пота мы шагнули назад.

– Этот сторож был назначен на пост вашим братом.

Холмс содрогнулся.

– Майкрофтом?

– Да. На самом деле он был журналистом и вел тайное расследование.

– Почему этот Фостер заинтересовался Дьюэном?

– Понятия не имею.

Толстяк собирался опустить глаза, но Холмс снова поймал его взгляд.

– Почему вы хотите скрыть от меня все это?

Компостел опустил голову. Его щеки почти коснулись груди.

– Майкрофт Холмс попросил меня никому не говорить об

этом, особенно вам. Даже Лестрейду.

4

По дороге домой, в экипаже, меня неотступно преследовала жуткая картина изуродованного перепачканного тела. Мой желудок сжался от страха. Я старался отделаться от этого кошмара, сконцентрировав внимание на мельчайших проявлениях бурлящей вокруг жизни: на стуке дождя по крыше экипажа, грохоте колес по мостовой, цокоте копыт нашей упряжки.

Холмс, казалось, был всецело погружен в свои мысли. Я обратился к нему, желая услышать скорее успокаивающий голос моего друга, нежели его мнение об этом зверском преступлении.

– Холмс, как вы узнали?

– Как обычно, мой дорогой Ватсон, методом исключения. Во-первых, было известно, что побег из Миллбэнк невозможен, нам то и дело твердили об этом. Во-вторых, заключенный не прятался внутри тюрьмы, иначе его обнаружили бы в ходе системного обыска. В-третьих, единственные люди, имеющие право входить на территорию тюрьмы и покидать ее в строго определенные часы, – это сторожа. Итак, остается лишь одно объяснение: заключенный Марк Дьюэн убил вошедшего к нему Реджинальда Фостера, раздел его, расчленил труп при помощи ножа и закопал под кроватью. После этого он преспокойно переоделся в костюм сторожа и вышел

через главный вход в начале седьмого утра.

– А как у Дьюэна оказался нож?

– Пока у меня нет ни малейшего представления об этом. Но я непременно задам этот вопрос Дьюэну, как только встречусь с ним.

Мой вопрос был на редкость глупым, и Холмс дал мне это понять.

Мы проехали еще четверть часа. Новый вопрос не давал мне покоя:

– А как вы узнали, что тело сторожа зарыто под кроватью, Холмс?

– Это самое незаметное место во всей камере и самое подходящее. Быстрый осмотр пола показал, что примерно на одном квадратном метре плитки были сняты и вновь уложены. Я знал, что тело расчленено, еще до того, как нашел его. Но я не видел необходимости упоминать эту деталь.

Деталь! Холмс умел иногда выразиться! Он свел ужасное убийство к обычной математической задачке.

Экипаж остановился у дома 221b. Мы рассчитались с кучером и спустя несколько мгновений очутились в нашей гостиной, окутавшей нас живительным теплом. Холмс закурил трубку и опустился в свое кресло так спокойно, будто не выходил из этой комнаты и ничего не произошло. У меня же было еще много вопросов, требующих разъяснения.

– Мне все же кажется невероятным, что никто так и не заметил подмены.

– Вы правы, Ватсон, это невероятно. Но факты говорят сами за себя.

Холмс откинул голову, закрыл глаза и продолжил объяснение в форме монолога, будто мысленно воссоздавая картину преступления.

– Дьюэн надел форму смотрителя и занял место на посту охраны. Несколько минут он общался со сторожем соседнего блока. Затем он уселся читать при свете свечи, ожидая конца смены, чтобы исчезнуть.

– И за все это время он ни у кого не вызвал подозрений?

– В тюрьме в шесть часов утра еще темно. День занимается не раньше восьми. Да и после этого тюрьму вряд ли заливает ослепительный свет, – вы ведь видели, какие там окна.

Я никак не мог взять в толк, как эта оригинальная подмена могла остаться незамеченной для всех служащих тюрьмы, самых надежных в Англии.

Мы долго молчали, погруженные в свои мысли.

– Но каким образом ваш брат замешан во всей этой истории? И как ему удалось назначить журналиста на пост тюремного сторожа? – наконец спросил я.

– Должно быть, такого рода дела входят в его обязанности.

– Его… обязанности? Ваш брат всегда был для меня загадкой.

– Однако вам удалось нарисовать его вполне правдивый портрет в «Случае с переводчиком» и «Чертежах Брюса Партингтона».

– Да, но там ничего не говорилось о его профессии.

– Напротив. Вы сказали об этом больше, чем вам кажется.

Холмс вдруг поднялся, схватил деревянную линейку и ударил ею по раскрытой ладони, будто возвещая о начале урока.

– Разве вы не писали, что Майкрофт – домосед и не слишком словоохотлив? Что он практически не выходит из клуба «Диоген», где проводит целые дни в почти монастырской тишине?

– Да, разумеется, но…

– Вы также упомянули о том, что Майкрофт близок к правительству, где прислушиваются к его авторитетному мнению.

– Конечно.

– А что вам известно о его интеллекте?

– Вы же сами уже сказали, Холмс: рискуя обидеть вас, следует все же заметить, что он превосходит вас в присущих вам талантах рассудительности и размышления, что позволило ему достичь уровня, о котором я даже не осмелюсь заговорить.

Холмс вовсе не казался оскорбленным.

– Вот видите, Ватсон, вы и сами все знаете. Теперь вам нетрудно будет разгадать эту милую загадку, назвав точную должность Майкрофта и место, где он ее исполняет.

Холмс бросил линейку на письменный стол и вернулся в свое кресло. Он курил трубку и наблюдал за кольцами ды-

ма, поднимающимися к потолку. Прошло несколько минут. Поняв, что мой товарищ не собирается ничего добавлять к вышесказанному, я попытался сам разгадать эту «милую загадку».

Балтимор Компостел сказал: «Фостер вел секретный опрос»…

В течение нескольких минут я ломал голову.

Разгадка вдруг пришла сама собой: Майкрофт Холмс принадлежал секретной службе Ее Величества королевы Англии. А клуб «Диоген» – место, где он нес службу!

Удивленный внезапной очевидностью моей дедукции, я не мог сдержать эмоций:

– Так вот оно что!

– Четыре минуты, – объявил Холмс, сверившись с карманными часами.

– Что вы сказали?

– Вам потребовалось ровно четыре минуты, чтобы найти решение, мой дорогой Ватсон.

– Да, да, разумеется, Холмс. Это ведь на самом деле достаточно очевидно. Думаю, вам придется попросить объяснений у вашего брата.

– Это я сделаю в последнюю очередь. Помните, что сказал нам начальник тюрьмы: «Майкрофт Холмс попросил меня не говорить об этом никому, особенно вам». Я хорошо знаю Майкрофта. У него наверняка были веские причины, чтобы не вовлекать меня в это дело. В лучшем случае он мне ниче-

го не расскажет. В худшем – помешает моим запросам и не позволит добраться до его материалов.

Мой друг нахмурил брови и соединил кончики пальцев, как он делал каждый раз, когда погружался в решение сложной задачи.

– Главные вопросы еще впереди, Ватсон. И я не уверен, что Майкрофт знает на них ответы, иначе зачем ему подсылать лазутчика. Прежде всего следует выяснить мотив этого преступления.

– Если верить записке, оставленной Дьюэном, это убийство из мести.

Холмс закрыл глаза и прочел по памяти:

– «Моя месть будет соизмерима с моими страданиями. Мои мучители познают муки ада. Я разыграю перед ними кровавый до тошноты спектакль. Быть может, тогда они поймут, что мне пришлось пережить». «Мои мучители…» – этим он хотел сказать, что последуют новые убийства?

– Если это так, то мы скоро об этом узнаем.

5

На следующий день после этих страшных событий Холмс ушел из дому очень рано, оставив мне записку на столе в гостиной:

> «Мой дорогой Ватсон, ухожу почти на весь день. Мне нужно собрать как можно больше сведений об этом Марке Дьюэне.
>
> Вы говорили о вашем намерении остаться сегодня дома, чтобы, внести изменения в текст одного старого дела, которое вы очень мило окрестили как „Скандал в Богемии“. Хочу попросить вас о небольшом одолжении. Мой друг, нотариус, мэтр Уильям Олборн, зайдет к вам ненадолго во второй половине дня за сочинениями, которые я ему давно обещал. Не могли бы вы принять его? Мне кажется, ему не терпится познакомиться с вами.
>
> Вы очень меня обяжете, уделив ему немного времени. Этот господин – мой старый знакомый и один из моих первых клиентов.
>
> Заранее вам благодарен,
>
> Шерлок Холмс».

Само собой разумеется, я не мог отказать в этой услуге моему другу. К тому же это был хороший повод развеяться.

На самом деле моя работа над «Скандалом в Богемии» была завершена. Моего издателя, Джорджа Ньюнса, неот-

ступно преследовала идея издать многие старые рассказы отдельной книгой в связи с требованием огорченных читателей, не успевших прочесть их в журнале «Стрэнд». Ньюнс собирался воспользоваться сменой формата издания, для того чтобы позволить мне внести в текст дополнения, запрещенные в оригинальном издании. В данный момент я должен был составить сокращенный вариант рассказов, завладев которым Ньюнс заставил бы читателей мучиться тягостным ожиданием.

Мэтр Олборн переступил порог нашей квартиры во второй половине дня, как и было обещано. Я ожидал увидеть толстяка, разменявшего шестой десяток, плешивого и напыщенного. Каково же было мое удивление, когда я увидел стройного и элегантного мужчину в метр семьдесят ростом. На вид ему было не более тридцати пяти лет. Он производил неоднозначное, странное впечатление. Его лицо, честное и безукоризненное, хотя и слишком серьезное, немного портило выражение легкой грусти и задумчивости. Его глаза цвета темного каштана казались такими же черными, как и его густые волосы. Если бы Холмс не предупредил меня, я ни за что не догадался бы о профессии этого человека. Я принял бы его за актера, исполняющего романтические роли, или за светского обольстителя.

Мэтр Олборн прочел изумление в моих глазах.

– Я не вполне отвечаю вашим представлениям о среднем английском нотариусе, не правда ли, доктор Ватсон?

– Как вам сказать, если честно…

– Не смущайтесь, это обычная история. Мало кто может подумать, что я занимаюсь этим делом, я и сам иногда в этом сомневаюсь.

Нотариус сел в кресло, которое я ему предложил. Миссис Хадсон принесла нам чай.

– Видите ли, – продолжал он, будто в подтверждение сказанного, – я родом из старинной династии нотариусов. Будучи старшим, я перенял дело своего отца, как он в свое время продолжил дело его отца. Это одно из преимуществ, но и недостатков старших. Мой отец, видите ли, не позволил мне выбрать свою карьеру! А мне тем не менее… – Он сделал паузу, будто раздумывая, стоит ли продолжать.

– А вам?..

– А мне хотелось стать художником или писателем. Я даже ходил на курсы живописи и на театральные курсы… без ведома отца, разумеется. Преподаватели весьма положительно отзывались о моих способностях. Еще я мечтал быть авантюристом, искателем приключений, чтобы потом рассказывать о своих подвигах всему свету. Короче говоря, я хотел быть всем, кроме нотариуса. Вы понимаете?

– Да, понимаю.

На самом деле мне было непросто понять его. Я, сын простого трудяги, разумеется, предпочел бы вести беззаботную счастливую жизнь нотариуса, полную роскоши и изобилия, чем потратить лучшие годы на полях битв в Афганистане.

Уильям Олборн отпил глоток чая и изящно поставил чашку на место.

– Как же я вам завидую и как восхищаюсь вами, доктор Ватсон.

– Мной?

– Да, вами. Вы не знаете, как вам повезло, что вы имеете возможность вести столь насыщенную событиями жизнь рядом с таким гением, как Шерлок Холмс.

– Ну, наша жизнь не всегда такая уж насыщенная. Иногда приходится коротать долгие дни в полной бездеятельности. Скука нередко наведывается и к нам.

– Разумеется, но ваши расследования с лихвой компенсируют периоды меньшей активности. Кроме того, все это прекрасно отражено в ваших рассказах, доктор Ватсон. Ваше умение вести повествование заслуживает всяческих похвал. Вам удается захватить читателя, передать мельчайшие детали и увлекательно описать поступки героев. Я проводил бессонные ночи, читая ваши сочинения, не в силах закрыть книгу ранее, чем дойдя до слова «конец». Многие отрывки я могу прочесть наизусть. Расследования Шерлока Холмса немногого стоят без вашего таланта биографа. Я почувствовал, что краснею. За всю жизнь я не слышал стольких похвал в свою честь. Мне стало неловко за то смирение, которое я всегда испытывал в общении с моим блестящим товарищем. И я стал сомневаться в своей интеллектуальной отсталости.

– Как вам удается держать читателя в таком напряжении,

доктор Ватсон?

– Признаюсь, я никогда не думал об этом. Я просто излагаю события в хронологическом порядке, задавая вопросы по ходу повествования. Шерлок Холмс редко говорит о результатах своего дедуктивного расследования, не убедившись в них окончательно. Таким образом, читатель одновременно со мной узнает элементы разгадки, каждый из которых сам по себе не имеет смысла. Лишь собранные вместе в финале, они складываются в прозрачную картину преступления.

– Вы превосходны, доктор Ватсон. Должен сказать, что эта встреча доставила мне огромное удовольствие.

Затем будто облако пробежало по лицу мэтра Олборна.

– В связи с моей работой мне иногда приходится целыми днями бездействовать. К счастью, есть ваши книги, которые позволяют убежать от действительности.

Я внезапно вспомнил о записке, оставленной Холмсом.

– Кстати о книгах, мой друг сказал, что вы собираетесь забрать какие-то сочинения.

– Верно. Это и было целью моего визита. Мистер Холмс говорил, что закончил трактат об исследованиях отпечатков ног. С этим сочинением я еще не знаком. Видите, доктор Ватсон, я хотел бы занять место Холмса в ваших рассказах.

– Это составляет часть игры. Читатель должен вести расследование дела одновременно с детективом и пытаться найти решение быстрее, чем он.

– Точно. Вот почему я хочу обладать талантами мистера Шерлока Холмса. Изучая его труды, я мог бы, возможно, подражать ему. Я очень пристрастился к детективам. Посмотрите, что я принес мистеру Холмсу.

Мэтр Олборн протянул мне конверт толщиной с журнал.

– Убежден, что этот случай его заинтересует. Он непременно должен это прочесть.

Мой гость внезапно впал в задумчивость. Он то и дело менял позу в кресле.

– Я осмелюсь… доктор Ватсон… – Он прервал фразу, слегка кашлянул, в отчаянии заломил руки и продолжил: – Шерлок Холмс сказал мне, что вы рассчитываете внести некоторые… изменения в оригинальный текст «Скандала в Богемии».

– Да, я уже сделал это. Осталось составить краткое содержание на одну страницу. Я не слишком силен в такого рода статьях, но мой издатель обязал меня сделать это ради коммерческой выгоды.

– Я осмелюсь… – робко повторил нотариус.

– Да? – спросил я, едва надеясь когда-нибудь услышать его просьбу.

– Можно ли краем глаза взглянуть на текст? Всего лишь взглянуть. Хотя бы прочесть первые несколько страниц.

Так вот зачем пришел этот проклятый гость. Не встречи со мной он жаждал так сильно, он желал посмотреть на новый вариант моего текста. Холмс попросил принять его. Я

не мог отказать ему в этом маленьком одолжении.

– Боюсь, как бы увиденное не разочаровало вас. Эти изменения вовсе не так существенны, как вы, верно, полагаете. Я внес лишь некоторые дополнения. Теперь в моем сочинении семьдесят страниц, а в оригинале было всего пятьдесят пять, поскольку формат журнала «Стрэнд» был ограничен.

Его глаза загорелись.

Я непринужденно добавил:

– Я предлагаю вам прочесть мое сочинение, если у вас есть время.

Мэтр Олборн обрадовался, как мальчишка, обнаруживший под новогодней елкой любимую игрушку. Разумеется, у него достаточно времени. Думаю, он непременно обнял бы меня, если бы правила хорошего тона позволили ему сделать это. Я протянул ему текст, в чтение которого он с наслаждением погрузился. Я же остался сидеть у очага, держа на коленях чернильницу и ища вдохновения в непрерывном танце огня.

Не найдя вдохновения, я погрузился в сон. Мой гость, кажется, не заметил этого, поскольку был занят чтением.

– Какая женщина! – воскликнул Олборн.

– А? Что? Кто здесь?

– Эта Ирэн Адлер. Какая исключительная женщина! Я проглотил вашу историю так, будто читал ее впервые, доктор Ватсон.

Мэтр Олборн казался очень взволнованным.

– Ваше описание мадемуазель Адлер, этой великолепной молодой женщины с волосами цвета меди и изумрудными глазами, получилось более трогательным, чем в первой версии. Такой она во всем напоминает мне мою возлюбленную.

– Ваша возлюбленная, должно быть, очень красива, – ответил я, еще не проснувшись до конца.

– Да, была.

– Надеюсь, с ней не случилось ничего досадного.

– Она умерла.

Лучше бы мне было промолчать. Наступившая тишина затянулась. Затем нотариус заговорил, будто обращаясь к самому себе.

– Вы не могли знать. Она разбилась, выпав из окна своей усадьбы.

Я прокашлялся, соображая, как вести себя дальше.

– Это был… несчастный случай?

– Кроме нее, этого никто точно не знает, а она уже ничего не расскажет. Подозревали одного ее знакомого, но суд признал его невиновным.

– Это… так ужасно… – бормотал я, побагровев от смущения.

Какую непростительную бестактность я совершил! Тут уж я окончательно проснулся.

Взгляд упал на письменные принадлежности. Лист бумаги был безнадежно пуст, что свидетельствовало о том, что заснул я моментально. Издателю придется еще один день по-

дождать моего резюме.

Стрелки настенных часов показывали шесть часов вечера.

Мэтр Олборн, казалось, вновь овладел собой и улыбался своей меланхолической улыбкой.

– Не смею более докучать вам, доктор Ватсон. Новый вариант «Скандала в Богемии» привел меня в полнейший восторг. Позвольте еще раз выразить вам Мое почтение.

– Благодарю, Но моя заслуга невелика. Повторюсь, я всего лишь излагаю факты такими, какими их вижу.

– Вы делаете намного больше. Вам удается привнести толику волшебства и тайны в мрачное, застойное существование. Попробовав писать сам, я знаю, что это искусство не из легких. Нужно испытать свое воображение, задеть чувствительную струну читателя, бесконечно удивлять его, рисуя правдивые персонажи и ситуации. Писателей, сочетающих в себе все эти таланты, не так уж много. Что касается меня, то моих способностей хватает лишь на ничтожные рассказики, на которые не взглянет ни один уважающий себя издатель.

Этот поток комплиментов пришелся мне по сердцу, поскольку казался продиктованным искренним порывом.

– Я убежден, что в каждом из нас есть талант. Иногда нужно, чтобы прошло какое-то время, иногда – чтобы представился случай выразить его. Думаю, мне повезло – у меня было и то и другое.

Мэтр Олборн едва уловимо улыбнулся. Он тепло пожал

мне руку и ушел, не забыв прихватить «Трактат об отпечатках ног». Меня охватила радость. Только что судьба подарила мне нового друга.

Я едва успел завершить работу над введением к повести «Скандал в Богемии», когда Холмс вошел в гостиную. Он снял промокшее пальто, и, потирая замерзшие руки, протянул их к потрескивающему в камине огню.

– Я принял вашего коллегу, Холмс.

– Моего коллегу?

– Мэтра Олборна. Вы попросили меня…

Его мысли явно были в другом месте.

– Ах да, Ватсон, благодарю вас, вы оказали мне неоценимую услугу. Надеюсь, это вас не слишком затруднило.

– Напротив, мэтр Олборн оказался очень приятным и интересным собеседником. Кстати, он оставил это для вас.

Холмс взял пакет, взвесил его на *руке* и бросил на ворох бумаг, возвышающийся на его письменном столе. Я был озадачен.

– Вы не откроете его?

– Это не нужно, Ватсон, я и без того знаю, что там внутри. Все дела мэтра Олборна похожи одно на другое. Опять супружеская измена или поиски правоприемника в случае спорного наследования. Я займусь этим позже.

Я вспомнил, что Холмс намеревался собрать сведения о Марке Дьюэне, убежавшем из Миллбэнк.

– Вам удалось что-нибудь узнать?

– И да, и нет. Этот Дьюэн – настоящая загадка. Казалось, его ждет прекрасное будущее. Уже в двадцать два года он получил диплом адвоката и сразу приступил к исполнению своих обязанностей. Год спустя женился на дочери одного из своих клиентов и переехал в Ченсери-лэйн. Его будущее было как на ладони, пока не произошел непонятный случай.

Холмс закурил трубку, поглубже уселся в свое кресло, которое подвинул ближе к огню, и, погрузившись в размышления, соединил кончики пальцев.

– Его жена исчезла, не оставив ни единого следа, одним декабрьским утром, три года назад.

– Как вы узнали это?

– Я передам вам подробности моего расследования. Пока скажу только, что мне относительно легко удалось отыскать старого слугу Дьюэна.

Я окунул перо в чернильницу и взял листок бумаги, чтобы не упустить ни слова из рассказа моего друга.

Холмс слово в слово передал мне свою беседу со стариком.

– Как давно вы знаете Марка Дьюэна?

– С самого его рождения. Я работал у его родителей. Он был мне, как родной сын.

– Замечали ли вы у него склонность к насилию?

– Меньше чем у кого-либо другого на свете. Мой молодой господин был хорошим человеком и любил правосудие. Он выбрал карьеру адвоката в соответствии со своим призвани-

ем. Он рьяно защищал права слабых и угнетенных. Он осуждал любое насилие и считал, что всякий конфликт можно разрешить мирными средствами.

– А его супруга?

– Она была такой же. Большую часть времени она проводила, занимаясь благотворительностью. Они были молоды и полны надежд. Оба мечтали сделать мир лучше.

– А жили они мирно?

– Да. Их союз был идеальным. Марк Дьюэн обожал супругу, и она отвечала ему взаимностью.

– При каких обстоятельствах она исчезла?

– Одним декабрьским утром за ней приехал кучер. Она должна была поехать в Лаймхаус и отвезти теплые вещи одной бедной семье.

– Вы когда-нибудь сопровождали в ее поездках?

– О нет! Миссис была очень отважной и никогда не позволяла сопровождать ее. Впрочем, с ней никогда ничего дурного не случалось. Бедняки знали и уважали ее. Но тем вечером она не вернулась.

– Полагаю, Марк Дьюэн немедленно заявил о ее исчезновении в полицию?

– Нет. Я предложил ему послать меня заявить в полицию, но он категорически отказался.

– Почему?

– Думаю, он хотел самостоятельно, своими силами вести расследование. С тех пор он почти все время проводил в по-

исках своей супруги, скрывая от близких свое отчаяние…

– А семья молодой женщины не беспокоилась?

– Родители обоих супругов скончались.

– Что именно предпринимал Дьюэн?

– Днем и ночью он обыскивал все закоулки, особенно вблизи Лаймхауса.

– Он больше не работал адвокатом?

– Нет. Все его проблемы тогда и начались. Одного за другим он потерял всех своих клиентов. Он больше не мог платить налоги. Пришли судебные приставы и изъяли мебель и ценные предметы. Он перестал платить мне жалованье. Но все равно я оставался с ним до конца.

– До конца?

– Я хотел сказать, до того как моего господина выселили и заключили в тюрьму Миллбэнк.

– У Марка Дьюэна не было собственных сбережений?

– Были, но он истратил их за несколько месяцев. После этого он стал брать деньги в кредит в банках и занимать у друзей. Уже через год он был полностью разорен и по уши в долгах.

– Куда ушли все эти деньги?

– Думаю, он тратил их на поиски супруги, или же…

– Или?

– Он платил шантажистам.

– Вот как! Ваш хозяин получал письма с просьбами о выкупе?

– Не знаю. Но я много раз наблюдал, как он вздрагивал, читая почту. Однажды он получил небольшой сверток. Открыв его, он страшно побледнел, и на лице его отразился настоящий ужас.

– Вам известно, что было в том свертке?

– Нет. Я стараюсь даже не думать об этом.

– Как он появился?

– Рассыльный передал его моему господину лично в руки. Он испытал шок, а затем впал в крайнее возбуждение. Он был в панике, бегал из угла в угол и кричал: «Мне нужны деньги! Я должен заплатить, это – единственный выход!»

– А потом?

– Я же сказал, его забрали в тюрьму Миллбэнк за долги.

– Вы его видели после этого?

– Я пытался, но начальник тюрьмы, Балтимор Компостел, отклонил мою просьбу, хотя она была вполне законной. Компостел стремится создать в тюрьме атмосферу террора. Многие из его заключенных кончали жизнь самоубийством или сходили с ума от одиночества и от услуг, которые он им навязывал. Кажется, он из одного садизма вырывал им зубы.

– Вы больше не получали никаких новостей от Марка Дьюэна?

– Нет. Но есть одна деталь, о которой я забыл сказать. Прямо перед тем, как его забрала полиция, он попросил меня найти кучера, который увез госпожу в день ее исчезновения. Я долгие месяцы только и делал, что ходил по всем стоянкам

экипажей, но безрезультатно.

– Вы помните, как выглядел тот кучер?

– Я не очень хорошо рассмотрел его лицо. Он высоко поднял ворот одежды, и на нем были темные очки.

Ужасное дело Дьюэна начало принимать определенные очертания. Его супруга была похищена таинственным кучером одним декабрьским утром. Молодой адвокат, вероятно, получал письма с угрозами и поэтому не обращался в полицию. В конце концов он разорился, не в силах выполнить непомерные требования похитителя или похитителей. Он пытался отыскать следы своей жены в Лаймхаусе, но его посадили в тюрьму за долги. Удалось ли ему установить личности вымогателей за время своего пребывания в тюрьме? Может быть, там же он разработал и план мщения? Но как объяснить жестокое убийство Фостера?

Эти и другие вопросы роились в моей голове. Каким образом Майкрофт Холмс замешан во всей этой истории? И почему он использовал журналиста в качестве шпиона? Успел ли Фостер обнаружить что-то важное?

6

Ночь опустилась внезапно. Она застала меня в незнакомом месте, и я тщетно пытался отыскать дорогу. Плотный, удушающий туман поднимался от Темзы и незаметно наполнял все улицы.

Мне казалось, будто кто-то уже несколько минут преследует меня. Страх и острое чувство незащищенности стали одолевать меня, я вдруг ощутил на затылке чье-то ледяное дыхание. Я резко повернулся. Никого. Только стена тревожного тумана. По телу пробежала дрожь. Зачем я только оказался в этом месте в такое время? Искать Холмса в таком тумане – все равно что искать иголку в стоге сена.

Наступила мучительная тишина, будто весь город затаил дыхание, предчувствуя чудовищные события, затевающиеся во мраке.

Вдруг позади меня возникла тень, слегка коснулась меня и в тот же миг исчезла. Я обернулся и проткнул тростью воздух, заставив туман прийти в движение. И снова все погрузилось в молчание, тяжелое, гнетущее.

Внезапно меня охватила паника. Я бросился бежать, все во мне сжалось от животного страха. Я не знал, бегу ли я навстречу опасности или от нее. Мое дыхание стало частым, сердце билось как сумасшедшее. Я едва мог разглядеть окружающие предметы в слабом и рассеянном свете уличных фо-

нарей и много раз спотыкался и падал, не видя земли.

Внезапно из ниоткуда возник человек, размахивая чем-то, что он держал в правой руке. Другой рукой он схватил меня. Невозможно было разглядеть его лицо. Я отчаянно попытался вырваться.

– Ватсон! Где же вы были? – голос Холмса звучал успокаивающе, но в нем была странная интонация, которой я раньше не замечал.

Я приблизился к нему вплотную, пытаясь разглядеть лицо, и отшатнулся в ужасе. Лицо Холмса было залито кровью. Внезапно из его горла вырвался дьявольский смех. Я заметил, что в одной руке он держал длинный нож для вскрытия трупов, а в другой – страшно изуродованную человеческую голову. Парализованный ужасом, я был не в силах шелохнуться и не мог понять, что все-таки происходит.

– Что-то не так, Ватсон?

Держа голову с содранной до линии волос кожей, он поднес ее к моему лицу. Несмотря на свой страх, я заметил усмешку, скрывающуюся там, где у этого искаженного сгнившего лица должен был быть рот. Я почувствовал зловонный запах смерти. Челюсти приоткрылись, как у льва, собирающегося зарычать, обдав меня отвратительной волной разложения и гниения. Гнилостное испарение распространилось по моей коже подобно заразной болезни.

Предприняв новую отчаянную попытку вырваться, я освободился и скрылся в ночи. Пот, липкий и вязкий, стру-

ился по моему лицу. Я вытер его и увидел, что это не пот, а кровь. С моего лица была содрана кожа, как и у той головы. Остались лишь обрывки кожи, и паразиты уже начали свою работу.

Внезапно грозная тень снова возникла из тумана и встала передо мной.

– Зачем бежать? Ведь мы – одна команда, Ватсон.

Холмс схватил меня за плечи и стал злобно трясти. Я был полностью в его власти.

– Ватсон! Ватсон!

Что будет со мной? Я завопил, надеясь на помощь. Он еще раз встряхнул меня…

– Ватсон! Ватсон! Да успокойтесь же, старина. Вы разбудите весь квартал.

Я очнулся от сна, снабдившего меня изрядной долей адреналина.

– Холмс?

– Тихо, тихо… успокойтесь… У вас жар, вам нужно отдохнуть.

7

Я проснулся при тусклом свете раннего утра. Страшная мигрень разрывала голову на части. Я встал, надел халат, полный решимости прогнать воспоминания прошедшей ночи, раздвинул шторы и выглянул на улицу. Большие черные облака бросали зловещую тень на грязную мостовую. Закутанные с головы до ног люди ежились от зимнего холода. Отступив на шаг, я увидел свое отражение в окне. Ну и голова! Под глазами черные круги, волосы спутаны и слиплись от пота. Можно подумать, будто я ночь напролет боролся с армией привидений.

Запахнув халат, я вышел в гостиную и увидел Холмса. Он читал рубрику «Происшествия» в «Дэйли ньюс» и делал какие-то пометки.

– Доброе утро, Холмс.

– А, Ватсон! Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, неважно. Должно быть, я простудился в этой отвратительной тюрьме. Мне всю ночь снились кошмары.

– Я знаю. Кстати о кошмарах, что вы думаете об этом?

Мой друг протянул мне кусок картонки, на которой он только что написал: «Тло двчки, Мэри Кинсли, 10, найд. Темзе, 21, набережная Вестинг, бз рук, разд. вагонеткой. Рана лб. Закл. С. Я.: см., вызв. утопл.».

– Боюсь, я не понял ни одного слова из этой тарабарщины,

Холмс.

– Вот это меня успокоило. Я как раз работаю над изобретением системы сокращений и кодов, позволяющих свести к минимуму размер каждой составляющей моей картотеки. Эти сокращения позволят мне быстрее отыскать нужную информацию и помогут размещению дел без видимой связи.

– Но как звучит эта записка на нормальном языке, Холмс?

– Тело девочки по имени Мэри Кинсли, десяти лет, найдено в Темзе в районе набережной Вестинг, 21. У девочки отсутствуют обе руки, отрезанные колесом вагонетки. На лбу у девочки рана. Заключение Скотланд-Ярда: смерть в результате несчастного случая, повлекшего за собой потопление.

– Вы считаете, что речь идет об убийстве?

Холмс аккуратно положил картонку в архив.

– Да, я действительно так считаю. В статье сообщается, что девочка проходила этой дорогой каждый день, возвращаясь из школы. Соседка сопровождала ее почти до самого дома. Одной ей оставалось пройти всего несколько десятков метров. Ее отец утверждает, что пришел домой около восьми часов вечера. Увидев, что дочки нет дома, он заволновался и заявил в полицию. Расследование показало, что маленькая Мэри случайно включила систему движения вагонетки, которая отрезала ей руки и ударила в лицо, что объясняет рану на лбу. Девочка упала в ледяную воду Темзы и быстро утонула, поскольку была обессилена и не могла плыть, не имея рук. Полиция нашла следы крови рядом с вагонеткой.

– Это кажется вполне возможным.

– Если не заниматься более углубленным анализом, Ватсон. В этом докладе множество несоответствий. Вы когда-нибудь пробовали запустить в ход систему движения этих вагонеток, которые докеры используют для перевозки угля?

– Должен признаться, это не входит в круг моих любимых занятий.

– Привести в движение это впечатляющее устройство, которое местами разъела ржавчина, будет сложно даже двум здоровым парням. Не представляю, чтобы это удалось девочке десяти лет. Кроме того, в статье говорится, что ребенок ходил этой дорогой каждый день: значит, ей прекрасно были известны все опасности пути. Кроме того, у девочки обнаружена рана на лбу. Откуда она взялась, если вагонетка не двигалась? Наконец, вспомним о том, что полиция так и не нашла рук. Из всего этого я делаю вывод, что было совершено предумышленное убийство.

Холмс сложил газету и поместил ее в одну из многочисленных газетных стопок, заполонивших уже почти всю комнату.

– Кто же мог совершить такой гнусный поступок?

– Существует только один способ узнать это: провести собственное расследование на месте преступления.

Я, конечно, не рассчитывал на дело такого рода, но все равно ухватился за возможность принять в нем участие.

– Я пойду с вами, Холмс.

– А как же ваша простуда?

– Я свыкнусь с ней. В одном я уверен: я не хочу умереть тут со скуки.

Меньше чем через полчаса мы уже шагали по набережной Вестинг в поисках каких-нибудь улик. У меня было впечатление, будто я снова погрузился в кошмар прошлой ночи. Воды Темзы были темнее, чем воды Стикса. Таинственная лодка внезапно выплыла из тумана и причалила недалеко от нас. Был ли это Харон, перевозчик душ умерших?

Докеры с перепачканными черными лицами толкали груженные углем вагонетки, их мускулы напрягались от усилий. Холмс подошел к одному из них в тот момент, когда вагонетка остановилась.

– Добрый день. Меня зовут Шерлок Холмс, а это мой друг доктор Ватсон. Мы ведем расследование смерти маленькой Мэри Кинсли.

У докера от удивления округлились глаза.

– Все, что мы знали, мы уже сообщили полиции. А больше нам ничего не известно.

– Я просто хотел уточнить некоторые детали. Как вы считаете, девочка могла одна привести вагонетку в движение?

– Конечно, нет. Нам вдвоем-то трудно это сделать.

– Колесо вагонетки могло отсечь ей обе руки?

– А это да, могло. И не только руки.

Докер кивнул на своего напарника, левая рука которого

была отрезана по локоть.

– Спросите у Самми, что он об этом думает. Однажды он поскользнулся и упал на рельсы. Неудивительно, со всей этой грязью. А остановить вагонетку невозможно, она ведь загружена под завязку. Самми у нас вовсе не неженка, но, говоря по правде, он тогда порядком струхнул. Хорошо еще, что это была не правая рука, а то пришлось бы ему стоять на паперти.

– Вы не заметили ничего необычного вчера ближе к вечеру?

– Нет, здесь после пяти уже никого нет.

Вдруг человек оживился, будто вспомнив что-то:

– Кстати о нищих, здесь иногда бывает старина Джек.

– Старина Джек?

– Это бедняк-попрошайка, пьяница, он спит там, под мостом.

Докер указал рукой на мрачный изгиб моста.

Холмс спросил:

– Вы рассказали о нем полиции?

Докер ударил себя ладонью в лоб.

– Нет. Я и не подумал об этом. Надо сказать, что он более скрытен, чем сама смерть. Его почти никогда не видать.

Холмс поблагодарил докера, и мы направились к убежищу Джека и вскоре оказались в грязной яме, источавшей тошнотворный запах.

Мой друг зажег спичку, и на гнилом соломенном тюфяке

мы увидели человека, закутанного в вонючие лохмотья. Косматая борода закрывала пол-лица. Его окружал целый забор из пустых бутылок. Нам пришлось затаить дыхание, таким невыносимым был запах в этой берлоге.

Холмс топнул ногой.

– Эй! Проснитесь! Вы – Джек-попрошайка?

Человек поднялся с невероятной медлительностью, уперся на локоть и заслонил глаза рукой, будто ослепленный светом нашей свечи.

– Что вам от меня нужно?

– Вы что-нибудь видели или слышали здесь прошлым вечером?

– Ну, это зависит от вашей щедрости, господин.

Холмс протянул ему полкроны кончиками пальцев. Нищий живо схватил монету и сжал ее в кулаке, как редчайшую ценность.

– Вы ведь не впутаете меня в это дело?

– Нет, если только вы расскажете нам все, что вам известно, – заверил его Холмс.

Джек-Попрошайка помедлил еще мгновение, не решаясь начать рассказ.

– Ну ладно, я возвращался сюда, в мое жилище, когда какой-то господин, немного плешивый и толстый, как тюлень, прошел совсем рядом со мной. Он сильно прихрамывал на правую ногу, одет был хорошо, а за руку он тянул девчонку.

– Этот господин не заметил вас?

– Не, за вагонеткой меня не было видно. Да и в этом тумане, который хоть ножом режь, ничего не видать.

– А что произошло дальше?

– Вдруг, ни с того ни с сего, он ударил девчонку кулаком. Бедное дитя, оглушенное, упало к его ногам. Я подумал, что ребенок, должно быть, сделал страшную пакость, раз его наказывают таким образом. Да и то это дурной тон.

Джек-Попрошайка сонно покачал головой, готовый в любой момент провалиться в глубокий сон. От него пахло дешевым алкоголем, и его речь становилась все более путаной.

– А затем? – спросил мой друг.

– Мне не очень хорошо было видно с того места, где я находился. Туман стал вовсе непроницаемым, я съежился за своей вагонеткой. Я боялся, что он заметит и схватит меня. Казалось, будто господин что-то отрезал. Девчонка только вздохнула один раз и затихла. Потом я услышал плеск, как будто в воду бросили большой камень.

– И вы ничего не сделали?

– Конечно, сделал. Я немедленно укрылся в моем домике и опустошил полбутылки джина, чтобы успокоить нервы.

– Вы не заявили в полицию?

– Нет. У меня с ними не слишком хорошие отношения. Я стараюсь скорее избегать их. Короче, я предпочитаю прятаться в своей дыре, и чем меньше меня помнят, тем лучше. Пусть занимаются своими проблемами, а меня не трогают.

Нищий внезапно повалился на бок и захрапел.

Выйдя на набережную, мы с невыразимой радостью вдохнули свежий воздух. Дневной свет становился все слабее. Похолодало, моросил ледяной дождь. Холмс ускорил шаг. Я следовал за ним, не задавая вопросов. Было очевидно, что ему не терпится встретиться с Джоном Кинсли, отцом убитой девочки.

Мы постучали в дверь дома 21 на набережной Вестинг. Это был небольшой дом, скромный, но в хорошем состоянии. Через несколько секунд дверь отворилась. Мы с Холмсом остолбенели. Мужчина, открывший нам дверь, во всем соответствовал описанию, данному Джеком-Попрошайкой.

Сильно припадая на правую ногу, он, не задавая вопросов, проводил нас в дом, а затем тяжело опустился на стул; его взгляд ничего не выражал.

– Вы – Джон Кинсли? – сразу спросил Холмс.

– Да.

– Вы убили свою дочь Мэри?

Мужчина не поднимал головы.

– Она была единственным смыслом моей жизни. Без нее я ничто.

Из его глаз, покрасневших от горя, хлынули слезы. Каждое его слово было пронизано болью, болью невыносимой, поднимающейся из самых глубин его существа.

– В таком случае зачем же вы ее убили? – настаивал Холмс.

– Я не убивал ее. Я бы отдал все, что имею, чтобы вернуть

ее.

Джон Кинсли разрыдался и больше не мог говорить.

Я отвел Холмса в сторону.

– Кажется, он говорит искренне.

– Факты налицо, мой дорогой Ватсон. Сентиментальность и правосудие несовместимы. Этот человек – прекрасный актер, он старается вызвать сострадание. Может быть, он и правда сожалеет о содеянном, чем и объясняется его теперешнее состояние.

Холмс взял Джона Кинсли за локоть.

– Следуйте за нами, мы едем в полицию!

Человек поднялся, как автомат, не оказывая ни малейшего сопротивления. Вдруг он посмотрел на нас сверкающим взглядом.

– Да. Я убил Мэри. Я заслуживаю смертной кары. Тогда я снова встречусь с ней, и мы больше никогда не расстанемся.

Услышав это ужасное признание, Холмс, казалось, растерялся. Что касается меня, то я не знал, что и думать об этом деле. Неужели Джон Кинсли действительно убийца?

8

Холмс вернулся на Бейкер-стрит вечером. Он промчался в кабинет, не произнеся ни слова, и принялся яростно копаться в своем архиве.

Несколько минут спустя он поднял голову.

– Я ездил в морг. У Мэри Кинсли действительно ушиб на лбу, как и сообщалось в «Дэйли ньюс», но рана похожа скорее на перевернутый крест. Вы помните, какой знак был на лбу Фостера, Ватсон?

На миг у меня перед глазами возникла та изуродованная голова, перепачканная землей и запекшейся кровью. Холмс вытер ее, открыв странный знак на лбу.

– Я не очень хорошо помню. Вы считаете, между этими двумя убийствами есть связь?

Холмс не ответил. Он снова погрузился в изучение архива.

Мой друг обладал уникальной способностью концентрироваться. Он мог часами сидеть, согнувшись, над своей работой, ни на секунду не отвлекаясь. Он считал, что его криминальные архивы во много раз превосходят архивы Скотланд-Ярда, и был уверен, что однажды полиция перейдет на его метод классификации.

Спустя лишь полчаса настойчивых поисков он извлек четыре карточки и разложил их перед собой. Его взгляд пе-

реходил с одной на другую, будто он их сравнивал. Затем он резко поднялся и направился к камину. Там, над камином, он хранил шприц и семипроцентный раствор кокаина. Его реакции иногда были непредсказуемы. Наркотик был крайним способом оживить ход мысли. Острое чувство вины охватывало меня каждый раз, когда он обращался к наркотику. Я попытался отвлечь его:

– Вы думаете, Марк Дьюэн мог убить эту девочку? Каким образом эти два убийства связаны между собой?

Холмс обернулся, на время забыв о цели своего движения:

– Этого я не знаю, Ватсон. Возможно, я и не подумал бы, что они как-то связаны, если бы не сообщения в газетах о двух новых кровавых убийствах этим утром.

– Этим утром?

– Вы разве не читали еще раздел «Происшествия»?

Как я мог прочесть его? Холмс забрал газеты рано утром, когда я спал.

– Нет, вы ведь их…

– «Дэйли ньюс» сообщает, что мужчина порезал свою жену на мелкие кусочки и зажарил в камине своей собственной гостиной. Соседи вызвали пожарных из-за густого дыма, окутавшего здание. Все решили, что случился пожар. Пожарным удалось ворваться в дом. Они увидели, что мужчина сидит за обеденным столом. Судя по полицейскому докладу, обед состоял из жареного сердца с гарниром из овощей, приправленных мятным соусом. Там же был салат из мари-

нованных пальцев… еще десерт, я думаю.

– Каннибал в самом сердце Лондона! Наверняка, какой-нибудь псих, сбежавший из сумасшедшего дома.

– Вовсе нет, Ватсон. Его имя Генри Кардвелл. Это уважаемый банкир, который живет в роскошной квартире в самом центре города.

– Но как же тогда это чудовище объяснило свой поступок?

– Он удивленно посмотрел на пожарных и промолвил: «Скажите же мне, наконец, что здесь происходит?» – будто только очнулся ото сна.

– Что могло толкнуть его на такое чудовищное преступление? Может, он убил из ревности?

– Сомневаюсь. Соседи утверждают, что супруги жили в мире и согласии. Никогда не ругались. Да и проблем у них, кажется, никаких не было. Они жили счастливо, были окружены любовью близких и не знали недостатка в деньгах.

Холмс повернулся к камину.

– Вы говорили о двух убийствах, Холмс. Какое второе?

Сыщик заколебался, опять остановленный на полпути к коробке со шприцами.

– Оно так же ужасно, как и первое. Пожилой мужчина пришел к своим соседям, супружеской паре шестидесяти лет, Эмме и Джеймсу Варне, с которыми в тот день собирался играть в бридж. Он долго стучал в дверь, без всякого результата. Заволновавшись, он сообщил в полицию, которая обнаружила старого Джеймса Барнса распростертым

в углу комнаты. Его рот был широко раскрыт, будто он собирался закричать. С ног до головы он был покрыт засохшей кровью. В кровати лежала его жена, или то, что от нее осталось. Стены комнаты были сплошь перепачканы кровью, так что было невозможно определить их первоначальный цвет. Тело несчастной оказалось искромсанным самым чудовищным образом. Орудие преступления, длинный кухонный нож, плавал в луже наполовину свернувшейся крови, рядом с кроватью. В углу комнаты нашли руку, судорожно сжимающую книгу. Это указывает на то, что несчастную женщину застали врасплох за чтением книги.

– Вы думаете, что и это убийство – дело рук беглеца из Миллбэнк?

– Не имею ни малейшего представления, Ватсон. Я собираюсь провести собственное расследование, но в данный момент у меня есть дела поважнее.

Холмс взял коробку со шприцами и открыл ее. Я уже готов был протестовать, когда он протянул мне лист бумаги, сложенный в четыре раза, который он, должно быть, извлек из своей любимой коробочки. Тогда я понял, что он и не собирался принимать наркотики. Я развернул листок и прочел:

«Мистер Холмс, мне сказали, что вы единственный, кто может раскрыть эту тайну. Исчез еще один сирота. Он уже пятый. Это проделки дьявола или колдуна. Даже несчастный Маллиган повесился вчера, хотя был в полном здравии. Приходите сегодня в восемь вечера в церковь Сен-

Джорджа. Я объясню вам, что происходит, расскажу все, что мне известно. Оденьтесь так, чтобы я могла легко вас узнать. Мое зрение сильно ухудшилось за последнее время. Прошу вас запастись терпением и подождать, пока я выйду вас встретить. У меня болят колени. Если я не найду вас, то буду ждать в самом темном углу, самом дальнем от входа в ризницу.

Умоляю вас помочь нам.

Прихожанка».

– Откуда эта мольба о помощи, Холмс?

– Мне принесли это сегодня утром на рассвете, незадолго перед тем, как я ушел. Я положил ее сюда, чтобы не потерять. Мой рабочий стол так завален…

С этим я был полностью согласен. Остальное казалось более мрачным. У меня не было времени его спрашивать. Он вырвал листок из моих рук и положил его в карман.

– Так идемте же! Уже половина восьмого. Мы не можем пропустить эту встречу.

Наш экипаж едва тащился. Густой, непроницаемый туман перекрывал нам путь. В надежде получить хоть какое-нибудь объяснение, я спросил:

– Я так понимаю, мы едем в церковь Сен-Джордж, Холмс?

– Точно, Ватсон. Там мы встретимся с верующей в возрасте семидесяти лет, одетой в черное, с лицом, наполовину скрытым под черной вуалью, коленопреклоненной в молитве, со сложенными руками и губами, неслышно читающими

молитвы. Ее руки дрожат, и она будто охвачена страхом перед аббатом. Уже долгое время она с ним близко общается. Вне сомнения, она очень любит свою работу. Она позволит нам совсем недолго побыть с нею, а затем, прихрамывая, исчезнет.

– Холмс! Это невероятно! Как вы смогли узнать так много из этого короткого письма?

– И вы бы смогли, Ватсон, если бы потрудились прочесть письмо более внимательно. Почерк указывает на человека пожилого, посмотрите, как написаны буквы «т» и «с». Этот вывод подтверждается и тем, что она пишет: «моё зрение уже не такое, как прежде». А то, что автор письма женщина, очевидно еще и потому, что она подписалась: «прихожанка».

– Как вы узнали, что она испытывает страх?

– Зачем же ей предпринимать все эти меры предосторожности, если бы она не боялась? Кроме того, она упоминает дьявола или колдуна, а они для нее – олицетворение крайнего ужаса.

– Разумеется… Но почему она боится аббата?

– Она будет ждать нас в месте, наиболее удаленном от ризницы. Значит, она боится, как бы аббат не увидел ее вместе с нами. Значит, она его боится.

– А кто же этот «несчастный Маллиган»?

– Откуда же мне знать, Ватсон! Какое-то доверенное лицо для второстепенных дел. Может, речь идет о слабоумном, поэтому его и называют «несчастный».

– Почему он повесился?

– Уж точно не от отчаяния, раз в письме говорится, что он был в прекрасной форме. Причина его самоубийства скорее всего страх.

– Но как вы узнали, что эта старушка находится на службе у аббата?

– Обычное предположение, вытекающее из контекста. Понятно, что она достаточно регулярно с ним общается, если знает его настолько, чтобы бояться. По ее манере выражаться видно, что она принадлежит к низкому социальному слою. Она не может быть никем иным, как помощником на службе у аббата.

– А кто эти сироты, о которых говорится в письме?

– Я нашел ответ в моем архиве, Ватсон. Речь идет о пяти ребятах, которые исчезли из учреждения, управляемого аббатом Полом Мередитом. Об этих исчезновениях сообщили в полицию и написали в разделе «Происшествия» в «Дейли ньюс». Вчера исчез последний из сирот.

9

Экипаж остановился у церкви Сен-Джордж. Мы расплатились с кучером и отпустили его. Шпиц колокольни терялся в тумане. Несколько сточных желобов нависли над нами, будто наблюдая за каждым нашим шагом. Действительно, нужно иметь вескую причину, чтобы прийти в подобное место. Одолеваемые внезапным любопытством, мы толкнули тяжелую дверь, которая издала зловещий скрип. Затхлый запах свечей и ладана наполнял ледяную атмосферу храма. Здесь было холоднее, чем снаружи. Наше дыхание, казалось, застывало, едва сорвавшись с губ. Мы бесшумно шли по главному проходу. Холмс заметил вход в ризницу и пошел в противоположную от него сторону.

Спустя мгновение мы увидели маленькую старушонку, внешность которой полностью соответствовала описанию, данному моим другом. Несмотря на то, что было очень темно, она заметила нас и обернулась. Ее лицо скрывала черная вуаль, как будто она носила траур.

– Хвала Господу, вы пришли! – прошептала она едва слышно.

Мы присели рядом с ней на скамеечку для молитвы, полностью обратившись в слух.

– Кто из вас мистер Шерлок Холмс? – спросила она, вздохнув.

Мы представились. Она успокоилась и стала говорить низким голосом, уткнув нос в молитвенник.

– Из приюта исчезли пятеро сирот. А с тех пор, как повесился Маллиган…

– Кто такой Маллиган? – спросил Холмс. Могильщик. Юродивый, он копал могилы по просьбе прихода. Также он был подручным господина аббата. Он любил господина аббата. Он был готов сделать для него все.

– Почему вы боитесь аббата Пола Мередита?

Старушка вздрогнула.

– Тише вы, несчастные, нас могут услышать. Но… как вы узнали?

– Просто сделал такой вывод. Вы подозреваете аббата в чем-то, не так ли?

Святоша несколько раз перекрестилась.

– Господин аббат бывает иногда слишком строг.

– Какая связь между исчезнувшими детьми и аббатом?

– Он… их очень любил.

Ее слова едва можно было различить, будто она хотела поскорее забыть то, что только что произнесла.

– Что вы имеете в виду? – продолжал Холмс. Старушка поднялась и несколько раз торопливо перекрестилась.

– Я больше ничего не знаю, мистер Холмс. Да поможет вам Бог победить сатану.

И она ушла, прихрамывая – в точности так, как предсказывал Холмс. Ее торопливые шаги затихли сразу после того,

как раздался жалобный скрип входной двери.

– Ну и чего мы этим добились? – спросил я у Холмса. – Она страшно боится. А ведь наверняка могла бы рассказать нам намного больше.

– Я считаю, что мы узнали очень много, Ватсон. Вы видели, с какой скоростью она покинула нас, как только мы стали расспрашивать ее об аббате? Из ее поведения мы узнаем намного больше, чем из самых продолжительных дискуссий. Необходимо навестить этого Пола Мередита.

Ночь вступила в свои права. Густой ледяной туман завладел городом. Случайный прохожий объяснил, как пройти к дому аббата: направо до перекрестка, первый поворот направо, а потом второй налево. Заблудиться невозможно. Идти всего пять минут.

Проплутав три четверти часа в густом тумане, мы наконец нашли дом аббата. Холмс несколько раз постучал молоточком.

Церковные часы пробили девять, когда аббат открыл нам дверь. Он был высокого роста, сухого телосложения, немного сутулый. Его глаза, как две жемчужины, сверкали на напряженном лице. Тонкие бледные губы делали его шероховатое лицо на редкость выразительным. Мужчина был явно настороже.

– Кто вы? Что вам надо?

– Меня зовут Шерлок Холмс, а это мой товарищ доктор Ватсон. Мы исследуем дело об исчезновении пяти сирот из

ордена вашего высочества.

Холмс мог говорить с большим апломбом, когда это было необходимо. Дверь широко распахнулась. Выражение лица аббата сменилось на прямо противоположное. Голос зазвучал чрезвычайно приветливо.

– Простите мне мою подозрительность, господа, но ввиду всего, что сейчас происходит… Добро пожаловать. Я от всей души надеюсь, что вы как можно скорее разгадаете эту загадку и развеете страхи моих прихожан.

Пол Мередит проводил нас в гостиную, обставленную ветхой и скудной мебелью. В центре комнаты возвышался аналой, на котором лежала библия. Никаких украшений, никакой показухи. Распятие на белой стене.

– Вам известно, что толкнуло несчастного Маллигана на самоубийство? – не мешкая, спросил Холмс.

– Нет, не известно, Казалось, будто он чего-то страшно боится. Я не мог даже подойти к нему. Это шок для меня. Но почему вы спрашиваете меня об этом?

Холмс сделал таинственный жест.

– Мы ведем расследование этого дела. Какие отношения связывали вас с мальчиком?

– Я взял его под свою опеку. Я помогал ему всем, чем мог. Он отвечал мне взаимностью. Его отношение ко мне было искренним и лишенным всякого расчета.

– Когда вы в последний раз видели мальчика, который исчез вчера?

– Он служил во время мессы по случаю кончины одного из наших прихожан. Он пел в хоре и исчез в конце церемонии. Я это не сразу заметил.

Пол Мередит указал на два стула.

– Присядьте, господа, так нам будет удобнее беседовать.

Холмс не принял его приглашения.

– Это вовсе не обязательно. Я всего лишь задам вам несколько вопросов. Что обычно происходит после религиозной церемонии?

Аббат, казалось, был сбит с толку.

– Гроб заколачивают и опускают в землю.

– Кто этим занимается?

– Маллиган.

– Где заколачивают гроб?

– В ризнице, разумеется.

– Мальчик мог уйти из церкви никем не замеченным?

– Нет. Здесь всего два выхода: ризница и главный вход. При входе раздается звон колокольчика. Его бы обязательно увидели, тем более в его платье.

– Значит, мальчик мог уйти только из ризницы. Вы спрашивали Маллигана?

– Я его не видел. Он исчез сразу после того, как заколотил гроб. Некоторое время спустя после церемонии мы обнаружили его в его комнате. Он повесился.

Холмс направился к двери.

– Одевайтесь, мы выходим!

– У вас есть сомнения?

– Нет, теперь мне все ясно.

Он обернулся к аббату:

– Вы можете проводить нас на кладбище?

Вооружившись лампами, мы через несколько минут пришли на кладбище. Мои нервы были натянуты, как струны. Внезапный вопль прорвал тишину и заставил меня остолбенеть от ужаса. Инстинктивно я схватил руку моего друга. Он изумленно посмотрел на меня.

– Возьмите себя в руки, старина! Вы что, испугались этой несчастной совы? То, что вы вскоре увидите, будет гораздо страшнее.

Туман придавал кладбищу призрачный и устрашающий вид. Из тумана то там, то здесь выплывали кресты. Такие места известны своей ужасной неподвижностью, тишиной, которая внушает ужас и непостижимость. Мое тело охватила сильная дрожь, которую я не в силах был унять. И не только холод был тому причиной. Все мое существо сжалось от дурного предчувствия и отказывалось смотреть на то, что предстояло увидеть.

Холмс повернулся к аббату.

– Вы знаете, *где* Маллиган хранил инструменты?

Пол Мередит иссохшей рукой указал перед собой.

Мой друг исчез в тумане. Через несколько мгновений он вернулся с двумя заступами и протянул один из них мне.

– Держите, Ватсон! Немного физической работы поможет

вам согреться. Вы весь дрожите.

Он повернулся к аббату, лицо которого при свете лампы было бледнее воска.

– Где самая свежая могила?

– Что… что вы собираетесь делать, мистер Холмс? – пробормотал аббат.

– Заставлю говорить мертвых.

Аббат перекрестился и проводил нас к холмику из свежей земли, на котором возвышался простой крест, еще не покрытый мхом. Холмс уперся и повалил крест.

Лицо Пола Мередита исказилось.

– У вас нет на это права. Это противоречит всем религиозным принципам.

– Возможно, но это отвечает нуждам моего расследования.

Аббат внезапно взмахнул распятием в сторону Холмса:

– Vade retro, satanas! Осквернитель! Это надругательство! Вы… вы…

Его голос стих, когда раздался первый удар заступа о грязную землю.

Спустя полчаса изнурительной работы нам удалось извлечь гроб из его топкого и грязного обиталища. Аббат, мертвенно-бледный, дрожа, стоял на коленях на голой земле и неслышно возносил к небу молитвы, истово покрывая себя крестными знамениями. Его руки дрожали, лицо искажала гримаса ужаса.

Холмс смахнул землю с крышки гроба. Мы увидели перевернутый крест. Мои ноги подкосились. Холмс откинул крышку гроба, работая заступом, как рычагом. Я отвел глаза, боясь увидеть зрелище, которое не в силах буду перенести. Холмс поднес к гробу лампу.

– Ватсон! Идите сюда! Это ужасно. Еще хуже, чем вы себе представляли.

Я собрал все свое мужество, чтобы посмотреть на жуткое содержимое гроба. Мои ноги вдруг перестали чувствовать землю, а рассудок что-либо воспринимать.

Я лежал на земле. Холмс склонился надо мной. Заметив, что я очнулся, он убрал руку.

– Простите меня за эти несколько пощечин, Ватсон. Я был вынужден прибегнуть к ним, ведь вы потеряли сознание. Вы увидели это, – добавил он, указав на раскрытый гроб.

Я по-прежнему был в шоке и не мог говорить. О да, я видел это! Ребенок, одетый в платье мальчика из церковного хора, с кляпом во рту, со связанными руками и ногами, был привязан к старцу с зеленоватой, разложившейся кожей. Было непросто стереть из памяти эту отвратительную картину.

Наконец я смог подняться. Аббат склонился над гробом, как птица, принесшая зловещее предзнаменование. Он неслышно бормотал молитвы, будто потеряв разум.

Холмс извлек ребенка из гроба и внимательно осмотрел его.

– На теле нет ни единого повреждения. Он даже не был

отравлен, это было бы видно по выражению лица. Рот заткнули кляпом, чтобы он не кричал. Руки и ноги связали, и он не мог пошевелиться. Ужас и сейчас можно прочесть в его глазах.

Холмс выдержал небольшую паузу.

– Этот несчастный ребенок был погребен заживо.

10

В ночь, последовавшую за этой ужасной находкой, я был разбужен звуком приглушенных шагов в гостиной. Квартира была погружена во тьму. Я поднялся, стараясь изо всех сил, чтобы доски пола не скрипели, прихватил трость и приоткрыл дверь гостиной.

Незнакомец при свете луны рассматривал кабинет Холмса. Несколько мгновений я наблюдал за его странными действиями. Казалось, он ищет что-то определенное.

Я резко распахнул дверь. Незнакомец развернулся на пятках и застыл в растерянности.

– Черт возьми, Ватсон, ну и напугали же вы меня!

– Холмс, это вы?

– Кто же еще, по-вашему?

– Но что вы тут делаете в темноте?

– Я собираюсь уходить и не хотел вас будить.

– В столь поздний час?

Было, должно быть, два или три часа ночи.

– Это время как нельзя лучше подходит для того, что я собираюсь сделать.

– Но что вы ищете?

– Инструмент для чистки трубки. Ах, вот он. Не хотите составить мне компанию? Обещаю, прогулка будет весьма поучительная.

– Нет, спасибо. Я предпочитаю немного отдохнуть. После всего, что нам недавно пришлось пережить…

Холмс вышел. Я вернулся в постель и почти тотчас заснул.

Мой друг вернулся на Бейкер-стрит поздним утром. Он казался уставшим, но очень довольным. На мгновение он уселся в кресло, но затем сразу поднялся и принялся мерить гостиную огромными шагами, будто его рассудок приказал ему выполнить это упражнение.

– Я был у Кардвелла, – сказал он.

– Кардвелл?

– Банкир-каннибал, вы ведь слышали о нем.

– Ах да. Добропорядочный господин, который зажарил в камине собственную жену.

– Так, по крайней мере, считает полиция. Мне удалось проникнуть в квартиру Кардвелла. Это было не так-то просто. Пришлось подождать, пока сторож заснет. Но мой инструмент для чистки трубки при правильном обращении может творить чудеса. Так что я просто взломал замок. В квартире еще не убирали. Над камином я увидел перевернутый крест, нарисованный кровью.

– Стало быть, это своеобразная подпись убийцы. Это дело наверняка связано с другими.

Холмс продолжал свой рассказ, не обратив ни малейшего внимания на мое замечание.

– После этого я вернулся в морг. Это местечко и днем-то не слишком веселое, а уж ночью…

Он вздохнул и вытаращил глаза, будто еще не оправившись от ночного визита.

– Вы пользовались вашим… инструментом для чистки трубки?

– Почти не пришлось. Войти было очень легко. Я там уже почти завсегдатай. Я сразу же нашел труп Эммы Варне.

– Пожилой женщины, изрубленной в собственной постели?

– Совершенно верно. Вы помните статью в «Дэйли Ньюс»? Там упоминалось, что женщину ударили в лицо. Полиция определила, что удар был нанесен после смерти. Мне захотелось поближе взглянуть на этот след.

– Опять перевернутый крест?

– Да. Его нанесли на лоб с помощью заостренного ножа или чего-то похожего.

– Полиция этого не заметила?

Холмс внезапно прекратил вышагивать и сел в кресло напротив меня.

– Конечно, заметила. Я должен был догадаться. Уверенный в этих последних уликах, я нанес визит нашему другу Лестрейду. Я рассказал ему о своих находках, не открывая, однако, способа, которым я их раздобыл.

– Какова была его реакция?

– Синдром Булбала.

– Простите, что вы сказали?

– Вы никогда не слышали о деле Булбала?

– Ну…

– Аттила Булбала был преступником, который действовал в начале века в самых бедных кварталах Лондона. Старый кузнец погрузился в пьянство и разбой. Он подкарауливал своих жертв в закоулках пустынных улиц и оглушал их ударом молотка, а затем снимал с них кожу.

– Не слишком деликатно.

– Такая уж у него была особенность.

– Какая связь с нашим делом?

– Дайте мне закончить рассказ. В то время эта история наделала много шума. Уже потеряли счет несчастным, которых находили по утрам с разбитым черепом и мозгами, стекающими в сточный канал. Эти убийства затмили все остальные и почти стали модой. Во всяком преступлении обвиняли Булбала. Идеальный козел отпущения. Но однажды его задержали и осудили. И что вы думаете – его признали виновным лишь в пяти преступлениях из нескольких десятков, которые ему приписывали. Полиции наконец пришлось признать очевидное: у Булбала были конкуренты. Люди решали свои разногласия ударом молотка и обвиняли во всем Булбала. Будто случайно, как только Булбала был повешен, убийства с молотком прекратились.

– Но я все еще не понимаю…

– Лестрейд полагает, что последние убийства укладываются в ту же схему. Беглецу из Миллбэнк, тому самому Дьюэну, пришла в голову прекрасная мысль пометить свою жерт-

ву перевернутым крестом. Пресса не преминула разнести эту весть по всему городу. И вот убийцы всех мастей следуют его примеру. Лестрейд не видит в этих убийствах ничего общего, кроме того, что убийцы хотят, чтобы подозрение пало на Дьюэна.

– Вы верите в это?

– Нет. Эти убийства роднит жестокость, с которой они совершены. Я уверен, что это дело рук одного и того же человека. Находящегося, возможно, под действием…

Лицо Холмса стало очень серьезным.

– Но кому помешали мальчуган, сироты, беззащитная пожилая женщина и супруга добропорядочного банкира?

11

– Миссис Хадсон! – взревел мой товарищ, будто ошпаренный.

Та, к кому он обращался, вздрогнула и выронила стопку бумаг, которую держала в руках. Холмс был крайне раздражен.

– Что это вы делаете? – продолжил он тоном инквизитора, обращающегося к еретику.

Бедная женщина, боясь проронить слово, стояла среди груды бумаг, газет и искромсанных журналов.

– Я… я делаю уборку, мистер Холмс. Я собиралась бросить эти старые бумаги в огонь…

– В огонь? Несчастная, и не думайте об этом! Вы в момент уничтожите недели кропотливой работы.

Она растерянно посмотрела вокруг.

– Но здесь столько бумаг…

– Разве не видно, что это – тематическая классификация?

– Что?

Нет, она этого не видела. Будто извиняясь, она дрожащей рукой протянула моему другу большой конверт, на котором было написано: «Шерлоку Холмсу, срочно».

– Я не собиралась сжигать все. Я хотела положить это вам на стол.

– Где вы это нашли?

– В… тематической куче. Я сразу узнал конверт.

– Это письмо, которое мэтр Олборн оставил для вас. Помните, он очень настаивал на том, чтобы вы прочли его.

Холмс протянул конверт мне.

– В таком случае я сделаю вам подарок, Ватсон. Но я вас уже предупреждал: не надейтесь найти в конверте дело века.

Холмс отпустил миссис Хадсон, поворчал немного и принялся разбирать бумаги, завалив почти весь пол.

Я открыл конверт. В нем лежало вводное письмо мэтра Олборна и экземпляр журнала «Фантастика»… Так вот оно что. Холмс оказался прав.

Журнал «Фантастика» уже много лет пытался конкурировать с журналом «Стрэнд», но безуспешно. В то время как «Стрэнд» имел колоссальный успех благодаря публикации приключений Шерлока Холмса, «Фантастика» пичкала своих немногочисленных читателей вымышленными историями с нездоровой интригой и сомнительной моралью. Я всегда задавался вопросом, кто может читать такую чушь.

Мне стало любопытно. Я пробежал глазами текст, отмеченный мэтром Олборном.

С первых же строк мой интерес возрос. Этот рассказ, хотя и чересчур сентиментальный, имел непосредственное отношение к бегству из Миллбэнк. Может ли идти речь о простом совпадении?

– Холмс, послушайте вот это!

– Эта миссис Хадсон сведет меня с ума. Как я теперь здесь

разберусь?

– Журналист опубликовал в форме фельетона повесть, в которой утверждает, что обнаружил новую криминальную сеть.

– Она едва не бросила в огонь бесценные архивы…

– Этот журналист – Реджинальд Фостер! Мой друг прекратил разбирать бумаги.

– Фостер? Где вы о нем прочитали?

– В этом журнале.

Холмс вскочил и вырвал заметку у меня из рук.

– «Фантастика»? Это чья-то глупая шутка.

– Как же объяснить то, что эта шутка была напечатана *за месяц до* преступлений?

Скорчив гримасу отвращения, он пролистал журнал от начала до конца, затем от конца до начала. Он начал сомневаться.

– Не перескажете ли вы мне вкратце эту статью, Ватсон… прошу вас.

Холмс сел передо мной и сложил свои «бесценные архивы» в центре комнаты. Я начал:

– Фостер вел расследования в течение почти целого года в нижних социальных слоях Лондона. Он утверждает, что работал в непосредственном контакте с секретными службами.

Холмс почесал висок кончиком указательного пальца.

– М-м-м. Это объясняет многое. Продолжайте, Ватсон!

– Фостер упоминает серию чудовищных убийств, которые

не раскрыты и по сей день. Журналист считает, что большинство этих преступлений совершены под действием высшей силы. Он считает, что ему удалось раскрыть секрет тайной организации, в которой какая-то женщина играет решающую роль.

Холмс, задумавшись, соединил кончики пальцев.

– Женщина? Фостер сообщил точную информацию, имена, места?

– Нет. Он только описал эту женщину: среднего роста, одета в черное, как вдова, с взглядом пифии. Он, напротив, предупреждает читателей, что изменил имена и названия мест, чтобы не вредить своему расследованию. Ему казалось, что вскоре он сделает очень важные открытия. И вот еще что. Ближайшее убийство должно совершиться в…

Холмс нахмурил брови:

– В тюрьме Миллбэнк?

– Да.

Он поднялся, сложил руки за спиной и принялся мерить шагами гостиную, опустив голову, топча бесценные архивы. Затем он снова сел в кресло, сжимая зубами потухшую трубку.

– Что вы думаете обо всем этом, Холмс?

Он закрыл глаза и не отвечал. Я решил не мешать его размышлениям и в тишине предался своим.

Этот рассказ объяснял многие вещи. Фостер шел по следу Марка Дьюэна и нашел его в тюрьме Миллбэнк. Но почему

журналист решил опубликовать свои расследования до того, как завершить их? Он рисковал быть разоблаченным, даже изменив названия и имена. И почему для публикации он выбрал такой посредственный журнал, как «Фантастика»? Знал ли Майкрофт Холмс об этой публикации? Какую роль он сыграл во всей этой истории?

– Я не знаю, Ватсон.

Я подскочил от удивления.

– Холмс! Как вы это сделали? Вы только что прочли мои мысли!

– Вовсе нет, Ватсон, я лишь ответил на ваш вопрос. Вы спросили, что я об этом думаю. Я ответил, что не знаю.

Мой друг встал на колени, собрал устилавшие пол бумаги в мешок и отправил его в огонь без суда и следствия. После этого он с довольным видом потер руки и надел пальто.

– Но у меня есть несколько вопросов, которые я хотел бы задать директору «Фантастики».

12

Мы только что покинули широкие улицы жилых массивов и очутились в грязном восточном квартале Лондона. Без всякого перехода мы из сверкающей роскоши попали в самую позорную нищету. Этот контраст всегда шокировал меня. В Лондоне сосуществовали два мира. Два мира, которые ничего не знали друг о друге и никогда не пересекались. Перед лицом этой оскорбительной нищеты мне стало стыдно за то, что я англичанин.

Наш экипаж вскоре остановился из-за непреодолимого препятствия, возникшего на дороге, и мы продолжили путь пешком. Это дало нам возможность наблюдать за отчаянной картиной улицы. Выкрики, удары хлыста и грохот упряжек давили на наши барабанные перепонки. Дети в лохмотьях бежали за нами, выпрашивая милостыню. Проезжавший мимо кучер взмахнул хлыстом над их головами, и они разлетелись в разные стороны, как стая воробьев.

Под темным, как антрацитовый уголь, небом и тусклым светом газовых рожков у меня было впечатление, что я попал в ад. Улицы, казалось, смыкались над нами. Около лачуг с облупившимися фасадами возвышались груды помоев и мусора. В них изголодавшиеся собаки искали сгнившую пищу. Из окон свисали гроздья серого заплесневевшего белья. Пошел мелкий ледяной дождь.

Различие между Лондоном богатых и Лондоном бедных было не только визуальным и слуховым. Здесь, несмотря на холод, отвратительно пахло и было нечем дышать. Я не замедлил обратить на это внимание Холмса.

– Какая вонь! Грязеотделители, судя по всему, нечасто заезжают в этот квартал.

– И не только они, Ватсон. Даже полиция не отваживается проникать на некоторые из этих улиц. Разврат и разбой распространяются тут без помех.

– Так же, как холера и тиф.

Запах стал невыносимым. Я зажал нос платком.

– Я начинаю сомневаться, что прийти сюда было хорошей идеей.

– У нас нет выбора. Если мы хотим продолжить расследование, нам необходимо расспросить директора «Фантастики» и попытаться как можно больше узнать о Фостере и его знаменитом расследовании. Но будьте уверены, средь бела дня тут с нами ничего не случится. И мы в состоянии защитить себя.

– Мой страх не столько связан с этим местом, сколько с тем, куда мы направляемся. Не забывайте, что директор «Фантастики» завидует успеху «Стрэнда» и не питает к нам теплых чувств. Вот почему я боюсь, что он не примет нас с распростертыми объятиями.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского, Ватсон. Впрочем, мы уже пришли.

Мы остановились перед лавкой с полуразвалившейся витриной. Под облупившимся рисунком на грязном фасаде едва можно было различить слова «Журнал „Фантастика“».

Мы вышли и оказались в невероятном хаосе. Какой контраст с просторным помещением «Стрэнда»! Нагромождение ящиков и мебели создавало апокалипсический беспорядок. Мужчина неопределенного возраста, тощий и сутулый, хлопотал среди этого хаоса. На нем был старый, штопаный сюртук и перчатки, отслужившие свой срок.

Холмс многозначительно откашлялся. Мужчина вздрогнул и обернулся.

– Это доктор Ватсон, – начал мой друг, – а меня зовут Шерлок Холмс. Нам бы очень хотелось переговорить с директором «Фантастики».

Человек казался одновременно и удивленным, и недоверчивым.

На вид ему было около шестидесяти лет. Седеющие волосы, слишком длинные и непричесанные, как мочало, спадали ему на плечи. Даже его кожа была серой, будто пыль с годами въелась в нее. Исхудавшие щеки окружала пробивающаяся черная бородка. Глубокий шрам рассекал его заостренный подбородок. Желтые искорки сверкали в радужной оболочке глаз. Он был похож на исхудавшего волка.

– Вы и вправду… Что вы тут делаете?

– Мы уже сказали вам, мой друг, – повторил я. – Мы хотим видеть директора.

Человек прищурил глаза и внимательно осмотрел нас с ног до головы.

– Это я. Я Самюэль Боктон, директор журнала «Фантастика».

Он указал на два деревянных ящика.

– Присаживайтесь.

И осознав нелепость своего предложения, добавил:

– Мы переезжаем. Наконец-то мы уедем из этого проклятого квартала. Мы обоснуемся в Сен-Джонс-вудс, в месте, куда более подходящем нам по рангу.

Самюэль Боктон освободил ящик от наваленного на него хлама и уселся напротив нас.

– Если бы я заранее знал о таком визите! Не ожидал я увидеть у себя знаменитость.

– На самом деле, – подхватил Холмс, – мы ведем криминальное расследование.

Лицо Боктона стало непроницаемым. Молчание затянулось. Он подозрительно разглядывал нас. Я почувствовал почти звериную враждебность, исходящую от этого человека.

– Что вам на самом деле от меня нужно? Я не очень-то люблю расследования.

– Откровенность за откровенность. Я не слишком люблю преступников.

Боктон раскрыл рот, чтобы возразить, но мрачный взгляд Холмса положил конец его поползновениям.

– Мы хотели бы задать вам несколько вопросов касательно

статьи, опубликованной в вашем журнале под названием «По следам преступления». Что вам известно об этом деле?

Волк, казалось, весь съежился, будто опасаясь своего противника.

– Мне известно не больше того, что опубликовано.

– Кто автор статьи?

– Реджинальд Фостер.

Холмс выразительно посмотрел на меня.

– Что известно вам об этом Фостере?

– По правде говоря, немного. Я даже не знаю его адреса и настоящего имени.

– Фостер – не настоящее его имя?

– Нет. Фостер – его писательский псевдоним. Он предпочитает действовать под умышленным именем до тех пор, пока не завершит свое расследование.

Боктон говорил о Фостере в настоящем времени. По всей видимости, он не знал о злой участи журналиста.

– Вы можете рассказать нам о Фостере все, что знаете? – настаивал Холмс.

Глаза человека превратились в тонкую щель.

– К чему все эти вопросы?

Холмс принял серьезный вид и воздержался от ответа.

Боктон почувствовал необходимость оправдаться.

– Я уже сказал, мне известно очень мало. Ему около тридцати. Брюнет, карие глаза. Очень подвижен. Рост примерно метр семьдесят. Одет всегда очень аккуратно. У него откры-

тое, волевое лицо без следа страданий, а еще… – Он остановился.

– Еще что?

– В нем есть какой-то надлом. Я не знаток психологии, но такие вещи я хорошо чувствую, потому что часто вижу их вокруг.

– Что вы хотите этим сказать?

– Это все незначительные проявления, на которые обычно не обращают внимания. Взгляд, который вы ловите на себе во время беседы, рассеянность, морщинка на лбу, которая вдруг появится, как будто старая тревога не дает покоя. Он наделен огромной энергией, но иногда кажется, будто внутри он мучается. Мне было бы интересно узнать, что он ищет на самом деле.

– Как вы встретились с ним?

– Однажды он пришел ко мне и предложил свою рукопись. Я проглотил ее за один день. Его история захватила меня, и я подумал, что и моим читателям она придется по вкусу.

– Но почему Фостер обратился именно к вам?

Боктон провел рукой по волосам землистого цвета, будто пытаясь прогнать тягостную мысль.

– Он сказал, что никакой другой издатель не захочет публиковать его истории, а ему срочно нужны деньги для продолжения расследования. Тогда я предложил опубликовать их, а ему выплачивать проценты с выручки. Фостер был так доволен, что немедленно подписал контракт, даже не взгля-

нув на условия.

– Вы использовали этого несчастного! – возмутился я, зная толк в этом деле. – Тариф за истории такого рода составляет не менее гинеи за тысячу слов. А «Стрэнд» платит мне намного больше того.

– «Фантастика» не располагает такими средствами, как «Стрэнд», мистер Ватсон, и могу вас заверить, что Фостер не жаловался на нашу сделку. Впрочем, как и я.

Холмс вонзил свой хищный взгляд в глаза Боктона.

– Эта история действительно имела место или была написана просто для того, чтобы поправить ваше финансовое положение?

Директор «Фантастики» пожал плечами. Когда он открыл рот, чтобы заговорить, злая гримаса скривила его губы и обнажила заостренные зубы.

– А что это меняет? Люди хотят крови и жутких, ужасных преступлений. Это освобождает их от страхов и удовлетворяет самые постыдные фантазии. Им не хватает Джека-Потрошителя.

– Вы полагаете, что у ваших читателей тоска по этому монстру?

– И не только у моих читателей. Добропорядочные граждане любят дрожать с ног до головы, спрятавшись в своем любимом кресле, в то время как кого-то потрошат в грязи лондонских мостовых. Вспомните, какой успех имеют «Франкенштейн», «Странная история доктора Джекила

и мистера Хайда» и «Дракула»! А что уж говорить о «Собаке Баскервилей», доктор Ватсон? Разве это не дьявольская история?

– Это не одно и то же. Джек-Потрошитель был кровожадным монстром, убивавшим невинных. Волк обнажил клыки.

– Давайте не будем преувеличивать. Он лишь укоротил страдания нескольких потерянных девушек, обреченных на безусловное вырождение. Что касается невинных, то они умирают тысячами каждый год в Уайтшапеле, и это никого не шокирует.

– Что вы имеете в виду?

Боктон скривил страдальческую мину.

– Я имею в виду тысячи несчастных, которые погибают на сахаро-рафинадных заводах Уайтшапела. В Ист-Энде почти 60 процентов детей не доживает до пяти лет, и Лондону наплевать на это. А знаете почему, доктор Ватсон?

Я опустил глаза, не найдя, что ответить. Боктон разгорячился:

– Потому что люди привыкли видеть, как тысячи людей умирают от удушья в гнилой атмосфере Ист-Энда. Приличные люди считают нормальным то, что нищие ютятся по четырнадцать и более человек в одной комнате, при полном отсутствии гигиены и уединения. Это всего лишь часть повседневности и не является редкостью. А вот Джек-Потрошитель – это что-то нереальное, исключительное. Дьявол всегда привлекателен.

Холмс подождал, пока тот закончит свою безумную обличительную речь, и подарил нам мгновение успокаивающей тишины. А потом он спокойно спросил:

– Фостер оставил вам текст следующей статьи?

Директор «Фантастики» сделал неопределенный жест.

– Нет, ничего не оставил, но я жду. Он намеревался продолжить расследование в тюрьме Миллбэнк. Он хотел опросить одного человека, очень важного для его расследования.

– Вы не знаете, были ли у него сообщники в полиции? – поинтересовался Холмс.

– Думаю, он работал с неким Хазелвудом.

– С профессором Корнелиусом Хазелвудом?

На лице Боктона отразилось крайнее изумление.

– Ну да, а что?

– Сколько времени Фостер уже не давал о себе знать?

– Не знаю точно. Неделю примерно.

– Это вас не беспокоит? – продолжал Холмс.

– Нет, я опубликую продолжение истории тогда, когда Фостер мне ее передаст.

– Вы рискуете прождать долго.

– Что вы хотите этим сказать?

– Фостер мертв, – бросил Холмс, наблюдая за реакцией директора.

Боктон не смог скрыть удивления.

– Как вы можете это утверждать?

– Вы не читаете газет?

– Нет. Переезд занимает все мое время и…

– Его тело найдено в одной из камер в тюрьме Миллбэнк.

– Это очень некстати, – сказал серый человек, почесав голову, – но самое трудное сделано.

– Самое трудное?

– Да. Наши продажи пошли вверх. Благодаря этому необычному расследованию круг наших читателей растет с каждой неделей. Молодые талантливые писатели заваливают меня рукописями. Я достиг цели. Наконец я выйду из этого бедственного положения. Это все, что имеет для меня значение. Я так долго ждал этого…

Самюэль Боктон поднялся и указал на сумки, полные писем и газет, которые он, очевидно, собрался вынести на помойку.

– Я погребу прошлое. Нужно освободить место для будущего.

Затем он бросил взгляд на дверь.

– А сейчас прошу извинить меня, но я вынужден проститься с вами, сейчас приедут грузчики. Нам нужно подготовиться к открытию нашей новой конторы в понедельник.

Мы покинули это место без малейшего сожаления. Этот отвратительный субъект никогда не войдет в круг моих друзей.

Спускалась ночь. Когда мы выезжали из Ист-Энда, я все еще колебался между сожалением от того, что уезжаю прочь от этой нищеты, и эгоистическим облегчением от мысли, что

скоро окажусь в нашем комфортном маленьком жилище.

Той ночью я никак не мог заснуть. Слишком много вопросов вертелось в моей голове. У меня было странное чувство, что Боктон знает намного больше, чем рассказал нам. Я попытался перебрать в памяти различные элементы расследования, которые были в нашем распоряжении. С одной стороны, был этот трагический побег из Миллбэнк. Мы знали, что беглец, бывший адвокат по имени Марк Дьюэн, стал жертвой шантажиста. Ужасные преступления, отмеченные перевернутым крестом, были совершены после побега. Но, несмотря на все усилия полиции, Марка Дьюэна так и не нашли.

А сегодня мы узнали, что Фостер работал со знаменитым профессором Корнелиусом Хазелвудом, новым гуру современной криминальной полиции. Что они обнаружили? А Майкрофт Холмс? Почему он так старался держать своего брата подальше от этих дел?

Мне так и не удалось соединить элементы этой волнующей мозаики.

13

Слава Шерлока Холмса достигла своего апогея, а недоверие, которое он возбуждал в научных кругах, превратилось в озлобленность. Его упрекали в том, что он противопоставил бессознательный эмпиризм официальной науке и не следовал общим законам. Но больше всего на него сердились за то, что он добился убедительных результатов благодаря методам, научная основа которых не подтверждена.

Вскоре у Холмса появилось несколько ожесточенных клеветников. Пресса определенного рода не раз покрывала его грязью и называла шарлатаном, маргиналом, дилетантом и обманщиком. Но к чему представители научной власти были особенно нетерпимы, так это к ледяному равнодушию, с которым Холмс относился к ним. Хуже презрения может быть только равнодушие.

Вследствие досадной размолвки профессор Корнелиус Хазелвуд, самопровозглашенный основатель современной криминалистики, стал, судя по сообщениям подставной прессы, самым закоренелым врагом Шерлока Холмса. Хазелвуд считал себя новым пророком полицейского мира. На вопрос журналиста о том, почему он постоянно отказывается от официальной науки, Холмс однажды ответил: «Не из-за того, что поколения слабоумных ошиблись, полагая, что следует продолжать это делать!» – желая таким образом вы-

ступить против косности мысли в этой области. Его, конечно, можно было упрекнуть в многочисленных причудах, но только не в том, что он грубил власти или искал полемики. Однако именно это ему и удалось, потому что злополучное высказывание вызвало гнев большей части научных и религиозных сообществ.

Хазелвуд, нескромный хранитель научной мысли в области криминологии, воспринял эту безобидную фразу как личное оскорбление. Он больше не скрывал своей вражды к Холмсу, что не мешало ему подражать Холмсу и заниматься плагиатом самым бесстыдным образом, присваивая себе открытия детектива, давая им научное обоснование через математические и статистические законы безупречной репутации. Хазелвуд в некотором роде официально оформлял открытия Холмса, накладывая на них свою печать.

Я помню один примечательный разговор с моим другом на эту тему:

– Вы читали это, Холмс? Хазелвуд – проклятый наглец. Он утверждает, что может описать человека по его почерку. Будто он может определить привычки и основные свойства личности после изучения всего нескольких рукописных строк. Он просто-напросто использовал вашу мысль, которую вы так славно изложили в вашем небольшом трактате о физиографологии.

– Тем лучше, Ватсон, по крайней мере, с ней он согласился.

Холмс невозмутимо положил стеклышко на подставку своего микроскопа.

– Но, Холмс, разве вы не видите, что этот профессор Хазелвуд использует ради своей выгоды ваши открытия? Критикуя вашу работу, он бесстыдно присваивает ее себе.

– М-м-м.

Холмс, прижав правый глаз к микроскопу, внимательно рассматривал невидимый мир и восхищался им. Я еще раз убедился в том, что он не придавал ни малейшего значения тому, что думал, говорил или делал профессор Хазелвуд. Шерлок Холмс не нуждался в признании других для того, чтобы существовать, поскольку он был единственным представителем своей категории. Он был силен своими знаниями, и его совесть была единственным судьей, которого он признавал.

Я никак не мог понять, что толкнуло таких разных людей к сотрудничеству: Корнелиус Хазелвуд, гениальный, но деспотичный ученый, Майкрофт Холмс, великолепный, но таинственный шеф секретных служб, и Реджинальд Фостер, отважный журналист.

Расследование, которое вел Холмс по делу Марка Дьюэна, лишь еще больше запутало это дело. Убийства следовали одно за другим: сначала Фостер, затем маленькая Мэри Кинсли, сироты организации Мередита, жена банкира-каннибала, старая Эмма Варне… У Холмса были лишь записи в картотеке. Мы окончательно потеряли след.

Я был полностью погружен в размышления, когда голос моего друга вернул меня к реальности.

– Мы идем вперед гигантскими шагами, Ватсон.

– Вы узнали какую-то новость, о которой мне еще ничего не известно?

– Нет. Мне известно не больше, чем вам, Ватсон. Но и этого уже хватает. Подведем итог. Фостер работал в тесном сотрудничестве с профессором Корнелиусом Хазелвудом. Вместе им удалось собрать достаточно материала, чтобы разоблачить какую-то криминальную организацию. Хазелвуд видел в Фостере чудесное средство, чтобы сделать блестящий ход. Нет никакого сомнения в том, что он использовал все свое влияние, чтобы убедить Майкрофта назначить Фостера тюремным сторожем.

– Все, что вы сказали, известно. Фостер потерпел неудачу. Что-то или кто-то вспугнул заключенного, которому удалось бежать под носом у полиции.

– Точно, Ватсон. Представьте себе замешательство Майкрофта и Хазелвуда. Из-за них двоих Фостер оказался мертв, а жаждущий мщения убийца – на свободе.

– Но почему ваш брат не хотел посвящать вас в это дело?

– Вы не можете не знать, что профессор Хазелвуд считает меня своим злейшим врагом.

– Понимаю. Хазелвуд опасался за свою репутацию. Если бы вы узнали правду и предали огласке его роковую ошибку, на его карьере можно было бы ставить крест.

– Совершенно верно, Ватсон! Хазелвуд очень влиятельный человек. Это он убедил или принудил Майкрофта назначить Лестрейда преследовать убийцу. Однако Майкрофт и Хазелвуд не знали, что Лестрейд немедленно примчится сюда, как только столкнется с неразрешимой проблемой.

– Действительно, все это кажется вполне логичным. Но признайте, что на данный момент мы не располагаем ни одной более или менее убедительной уликой, которая позволила бы нам направить наше расследование в нужное русло.

– Мне очень жаль, но придется не согласиться с вами, Ватсон. У нас есть послание, оставленное Дьюэном в камере, а также «рассказ» Фостера, опубликованный в «Фантастике». Сопоставление этих двух документов выводит нас на новый след. Фостер утверждает, что многочисленные преступления, так и оставшиеся нераскрытыми, совершены под действием «высших сил». Он говорит о таинственной организации, в которой женщина играет главенствующую роль.

– Но все это по-прежнему как-то неясно.

– И не только это. В записке Дьюэна говорится о мести: «Мои мучители познают муки ада».

Холмс поднял указательный палец и повторил, как приговор:

– Познают муки ада! Помните, какой знак оставил Дьюэн на лбу несчастного Фостера?

– Перевернутый крест? Символ приспешников сатаны. Дьюэн был членом сатанинской секты?

– Или использовал секту для собственной мести. Эти улики толкают нас на то, чтобы мы искали секту сатанистов, в которой какая-то женщина играет главенствующую роль.

И вновь Холмс сплел логическую цепь там, где я видел лишь джунгли несовместимых данных и противоречий.

– Что вы собираетесь предпринять дальше, Холмс?

– На данный момент не имею ни малейшего представления. Я еще никогда не сталкивался с подобной проблемой. Судя по всему, задача перед нами стоит непростая, ведь все эти секты не больно-то любят огласку. Нас ждет весьма продолжительная работа.

Над нами нависло тяжелое молчание. Трубка Холмса издавала астматический свист. Это был единственный звук, нарушавший покой и монотонность квартиры, за исключением вводящего в гипноз «тик-так» настенных часов.

Зима была в самом разгаре. День угасал, и мрак неуклонно окутывал весь город. Вскоре Лондон, задохнувшийся от густого тумана, станет лишь призраком из камня и дерева. Сколько еще гнусных преступлении совершится в этом городе, кажущемся таким тихим? Сколько потрошителей проснутся среди ночи, чтобы слепо порезать невинных, которые делят с ними жилье? Что происходит сейчас в их головах? Смогут ли они объяснить свой поступок утром? Прошедшие события научили меня тому, что безумие может таиться в глубине души самых спокойных, чтобы внезапно вырваться наружу без видимой причины. Почтенный банкир

оказывается еще и каннибалом. Достойный вдовец внезапно убивает дочь, как будто его рука выполняла приказ, данный свыше, и не подчинялась ему. Добрый пастор наказывает христиан дьявольской карой.

Если ли связь между этими убийствами? Были ли они совершены Марком Дьюэном, адвокатом, лишенным своих прав, или он просто управляет всем, уйдя на дно? Может быть, он сам – игрушка адской власти, способной превратить поборника справедливости в кровожадного палача? Еще никогда этот город не казался мне таким чудовищным и беспокойным.

Устав от напрасных размышлений, я попытался погрузиться в свой роман. Но вскоре буквы стали расплываться перед моими уставшими глазами. Я не мог сосредоточиться. Мои мысли были далеко. Часы пробили полночь. Я отложил книгу и отправился спать. Я боязливо ожидал прихода сна, как приговоренный ждет своего последнего часа, прокручивая в голове ужасные события, которые пришлось пережить.

14

Мэтр Олборн завершил чтение предыдущей главы, когда настенные часы пробили полдень. Лестрейд поднялся и ироничным тоном попросил позволения выйти, чтобы справить нужду, если этого не запрещает завещание, конечно. Мы все последовали его примеру.

Когда, освобожденные от проблемы, связанной с функционированием человеческого организма, мы вернулись в кабинет нашего друга нотариуса, Майкрофт Холмс задал вопрос, который перевернул все мысли, а тем более все желудки:

– Никто не проголодался?

Спустя четверть часа мои компаньоны с энтузиазмом опустошали тарелки, предоставленные в наше распоряжение моим другом Шерлоком Холмсом. Что касается меня, то болезненные воспоминания о тех событиях не способствовали моему аппетиту.

Замешательство отразилось на лице мэтра Олборна. Он повернулся ко мне и сказал, будто оправдываясь:

– Это чтение завещания выходит за рамки обычного. Но моя должность настолько рутинная и административная, что немного фантазии в моем деле только радует меня.

Глядя на мою осуждающую мину, он добавил:

– Кроме того, эта трапеза является в некоторой степени

частью завещания Шерлока Холмса, так что нет ничего плохого в том, чтобы оказать ей честь. – Во всяком случае это ведь в порядке вещей. Рано или поздно мы все прекращаем свое существование. Вы можете уморить себя голодом, но это не вернет вашего друга, доктор Ватсон.

Наконец я позволил уговорить себя и попробовал немного пищи, запив ее свежей водой.

Лестрейд умудрялся одновременно уплетать ростбиф и продолжать дискуссию.

– У вас неоспоримый талант рассказчика, мой дорогой Ватсон, но я нахожу ваше повествование слишком биографичным и личным.

– Биографичное – возможно, таков закон жанра, но что касается личного, то тут я с вами не согласен. Я просто излагал факты с нейтральной позиции в хронологическом порядке.

– В таком случае к чему этот длинный пассаж об оскорблениях, нанесенных Шерлоку Холмсу? Вас послушать, так выходит, что ваш друг подвергался гонениям со стороны научных и религиозных организаций. Вы утверждаете, что пресса смешала его с грязью. Да вы из него просто мученика национального сделали, а разве это соответствует действительности?

– Я могу доказать то, о чем писал.

– Вопрос не в этом. Я ставлю вам в упрек то, что вы использовали эту историю для того, чтобы свести счеты.

– Мне не с кем сводить счеты, Лестрейд.

– А как же этот несчастный профессор Хазелвуд, мир его праху? Вы обвиняете его в плагиате, а на самом деле Хазелвуд всю жизнь прикладывал неимоверные усилия, чтобы сделать доступными и применимыми интуитивные находки Шерлока Холмса. Он придал научную строгость методам любителя. Не забывайте, он – изобретатель современной криминалистики!

– В лучшем случае он изобрел ужасный неологизм. Вся его наука уже содержалась в монографиях моего друга.

Лестрейд налил себе стакан вина. Он никак не мог успокоиться.

– По крайней мере, вы могли бы избавить нас от описания вашего душевного состояния.

– Моего душевного состояния?

– Ваши нелепые кошмары не имеют ни малейшего отношения ко всей этой истории.

– Моей целью было показать, в каком психологическом контексте происходили эти мистические криминальные события.

Лестрейд сделал резкое движение рукой, будто отмахиваясь от моего высказывания, вследствие чего на белоснежной скатерти появилось красное пятно.

– Мистические? Для вас, возможно, но не для меня. Более того, никаких разговоров о сектах в связи с этими убийствами не было.

– Хотел бы я, чтобы это было так.

– Но вы сделали нечто куда более серьезное, доктор Ватсон. – Черты лица Лестрейда стали более резкими. – Вы недооценили полицию Ее Величества.

Раскрыв глаза, я уставился на него.

– Мои замечания имели отношение лишь к определенным ее представителям.

Лестрейд подавился и стал прилагать похвальные усилия для того, чтобы не попасть в обычную в таких случаях ситуацию.

Мэтр Олборн воспользовался этой передышкой, чтобы напомнить нам о нашем задании.

– Итак, господа! Не будем терять времени. Мы прочитали лишь незначительную часть завещания. У нас еще очень много работы. Мне не терпится узнать продолжение.

Майкрофт Холмс вытер салфеткой губы и поднялся.

– Мне тоже!

Лестрейд сделал большой глоток вина и проглотил застрявшую в горле пищу. После этого он занял свое место, бурча себе под нос:

– Тьфу! Шерлок Холмс до последнего момента смеялся над нами. Этот рассказ не имеет ничего общего с завещанием.

Мэтр Олборн подождал, пока мы все трое удобно устроились в своих креслах, надел пенсне и перевернул страницу.

15

Температура еще понизилась, теперь было несколько градусов ниже нуля. Полярная стужа парализовала столицу. Ледяное солнце отбрасывало на облака нереальные отражения почти металлического цвета. В это утро я чувствовал себя так, будто мне тысяча лет. Казалось, что мои ноги весили целую тонну. Мои мысли и движения были медленными, как у динозавра.

– Я всю ночь размышлял, – торжественно объявил Холмс, – и кое-что понял.

Хотел бы я то же самое сказать о себе. Целый час я с неимоверными усилиями намазывал масло на поджаренный кусок хлеба. В этом испытании были задействованы все мои жизненные силы.

– Я знаю, где достать информацию о сектах и обо всем, что имеет отношение к дьяволу, – продолжал мой друг.

– Да?

– К нашему счастью, в Лондоне в Британском музее есть библиотека. Она насчитывает около полутора миллионов томов и по своей репутации превосходит все известные библиотеки, включая библиотеку Ватикана. Почему бы не воспользоваться этим?

Я согласился, но в глубине души был немного разочарован. Холмс приучил меня к более сенсационным решениям.

– Потом я изучу архивы полиции и мои собственные. Я должен внимательно исследовать все преступления, связанные с сектами. Прошлое зачастую объясняет будущее!

– И каким образом вы намереваетесь добраться до полицейских архивов? – возразил я для порядка.

Холмс уклонился от вопроса, сделав неопределенный жест.

– Конечно, придется привести весьма весомые аргументы. Признаю, это может оказаться достаточно разорительным.

Мой товарищ разработал верный способ добиваться услуг наиболее строптивых должностных лиц. У него была очень точная расчетная шкала, включающая все иерархические уровни – от самых хитрых шефов до самых ничтожных рассыльных. Ему было достаточно взглянуть на одежду, чтобы точно определить размер аргумента в шиллингах.

Я решил сопровождать его в библиотеку. Это все равно лучше, чем оставаться один на один с непослушными хлебцами.

Холмс подозвал экипаж. Кучер, великан с лицом фиолетового оттенка, казалось, окаменел от холода. Страшные трещины рассекали его вздувшиеся губы. Остановить лошадь ему стоило неимоверных усилий – такой скользкой была мостовая.

– В Британский музей, друг мой! – объявил мой товарищ.

Кучер подышал на руки, пытаясь согреть их.

– Для этого нужно переехать через Лондонский мост, гос-

подин.

– И что?

– Движение стало очень затруднительным из-за гололеда. Поездка может затянуться.

– Неважно, нам туда нужно. Пусть это займет столько времени, сколько надо.

Несмотря на пронизывающий холод, весь город, казалось, куда-то ехал. Все было охвачено странным движением. Куда спешили эти люди?

Наконец мы приехали к Лондонскому мосту. Кучер не преувеличивал. Четыре ряда повозок разного сорта, омнибусы, кебы, двухместные кареты, фиакр-повозки для перевоза бочек, телеги, двухколесные тележки, двуколки, толкались в невероятной давке. Тротуары были забиты укутанными людьми, с трудом передвигающимися по обледенелым доскам.

Пожилые люди держались за перила, чтобы не поскользнуться. Дети перегибались через каменные перила, рискуя упасть в пустоту. Их, казалось, очень занимало все происходящее на мосту, и они подавали знаки рукой кому-то, кого я не мог видеть.

Когда мы почти остановились, я высунул голову из экипажа и посмотрел вниз. Холод заставил меня на мгновение закрыть глаза, а затем моему взору открылось необычное зрелище.

Река была покрыта толстым слоем льда. Торговцы враз-

нос и уличные торговцы продавали там самые причудливые вещи. Десятки шатких бараков заполонили всю ледяную поверхность, не оставив свободным ни одного клочка. Снизу царило такое же волнение, как и наверху. Я, казалось, даже различил красный костюм собирателей навоза, что указывало на то, что лошади и упряжки пересекали реку по этому недолговечному насту.

В центре моста статуя Шекспира, святого покровителя всех замороженных, правой рукой указывала в небо и будто благословляла всех несчастных, копошащихся на застывшей реке.

Нам потребовалось еще добрых полчаса, чтобы добраться до Британского музея.

Читальный зал представлял собой огромную ротонду, над которой возвышался купол, прорезанный двадцатью высокими окнами с золоченым карнизом. Было тихо, как в монастыре, лишь изредка тишину нарушали приглушенные покашливания и шорох бумаги. Стол главного по залу был расположен на возвышенности кафедры.

За столом восседал служащий приема, неподвижный, как хамелеон, подстерегающий добычу. Несмотря на старческие движения, хамелеону вряд ли было более сорока лет.

Холмс подмигнул мне и сказал приглушенным голосом:

– Вы заметили, Ватсон, что администрация сажает в приемную всегда наименее приветливых служащих?

– Вы серьезно?

– Абсолютно! И объяснение тому очень простое. Эти люди часто оказываются не способны занимать другие должности. И тогда от безнадежности их помещают в приемную. В их пользу играют еще стаж и выслуги.

– Не способны занимать другие должности? Что вы хотите этим сказать?

– У служащего в приемной развивается своего рода аллергия на работу. Некоторым из них даже удается действительно заболеть и заполучить все признаки своей воображаемой болезни. Я фиксировал и изучал удивительные случаи хронического прострела, преждевременной старости, паралича пишущей руки, периодического слабоумия, неуместного заикания, неуправляемой дислексии, случайной близорукости.

– К чему вы ведете, Холмс?

– Я говорю, что изучал эту проблему. Я даже начал составлять монографию о служащих приемных в английских административных учреждениях. Кто знаком с психологией персонала в приемной, тот владеет ключом к администрации!

Что касается меня, то я не был знаком с психологией Шерлока Холмса. У моего товарища было своеобразное чувство юмора, понятное лишь ему одному. До того своеобразное, что я никогда не знал, следует рассмеяться или серьезно отнестись к его замечанию.

Он приблизился к служащему и, желая заявить о своем присутствии, откашлялся:

– Кхе-кхе! Добрый день, друг мой! Нам бы хотелось заглянуть в сочинения о сектах.

Человек приложил к уху слуховую трубку и нахмурил брови:

– О насекомых?

Холмс повернулся ко мне.

– Периодическая глухота. Этот экземпляр теряет слух, как только его собеседник задает вопрос, который может обременить его работой или помешать его дремоте. Классический случай.

И он наклонился над стойкой.

– Нет. Сочинения о практическом сектантстве и о дьяволе.

– У вас есть точный шифр?

– Нет. Только темы, которые я вам назвал.

– Найти книги будет непросто. Кроме того, у нас очень мало книг по этому вопросу.

– Можно на них взглянуть?

– Не получится. Их взяли несколько дней назад.

– Вы уверены?

Человек в негодовании поднял глаза.

– Вы сомневаетесь в моих словах?

Холмс принял изумленный вид.

– Мне такое и в голову не пришло.

Итак, кто-то интересовался теми же книгами, что и мы. Простое совпадение?

– Вы могли бы описать людей, которые забрали эти сочинения? – настаивал Холмс.

– Да. Несмотря на все их усилия остаться незамеченными, их было трудно не заметить.

– Вы считаете, что они пытались спрятаться?

– Весьма вероятно.

– Как они выглядели?

– Их было трое. Мужчина и две женщины. На мужчине были темные очки, будто он хотел скрыть свои черты. Одна из женщин показалась мне очень странной.

– Опишите ее.

– Она была похожа на опечаленную сомнамбулу. У нее был застывший взгляд. Когда она посмотрела мне в лицо, у меня по спине мурашки пробежали. Она была одета в черное, и вокруг глаз у нее были большие красные круги.

Холмс приблизился к служащему.

– Вы записали их данные?

– Да, они в списке выдачи книг на дом.

– Можно взглянуть?

Человек весь напрягся.

– И не думайте об этом! Это запрещено. Я рискую потерять работу.

Холмс достал из кармана звенящий полновесный аргумент. Служащий взглянул на монету и сунул ее в карман. Он пролистнул несколько страниц внушительной книги, повернул ее к нам и сказал, не разжимая челюстей:

– Я ничего вам не говорил. Я вас не знаю. И ничего не хочу знать.

– Само собой разумеется, – ответил мой товарищ ему в тон.

Холмс склонился над книгой и тихо прочел: «Эрик Вайсс и Анна Эва Фэй, 89, улица Инд». Затем он поднял глаза на образчика периодической глухоты.

– Немцы?

Человек на этот раз расслышал все на сто процентов.

– Нет, американцы.

– Что позволило вам сделать такой вывод?

– У них был ужасный акцент, и они были хорошо одеты.

Холмс принял заговорщицкий вид.

– Они не сказали, зачем им нужны эти книги?

Директор зала возник за спиной у нашего информанта, который снова погрузился в свою глухоту.

– Вы позволите?

Холмс не настаивал.

Мы вышли из библиотеки. Мой товарищ довольно потирал руки.

– У меня было достаточно времени, чтобы рассмотреть названия книг, которые эти странные посетители взяли с собой: «Вздохи из ада» Молтона, «Верования и суеверия Средневековья» Уильяма Падделтона, «In Memoriam» Теннисона, «Призраки и привидения» Питера Эллери, «Диалоги с потусторонним миром» Артура Тамблена, «Полное собра-

ние сочинений» Томаса де Кинси, «История дьявола» Даниэля Дефо. Похоже, Ватсон, мы вышли на правильный след!

16

Холмс остановил кучера у дома 70 по улице Инд и попросил его ждать нашего возвращения. Все было окутано непроглядным мраком. Сильная стужа заставляла нас дрожать, а ветер резал лицо, как бритва. Метров сто мы прошли пешком, согнувшись под силой ветра, и подошли к большому строгому дому, окруженному высокой решеткой с заостренными наконечниками. Огромные деревья протягивали в нашу сторону обнаженные ветви, будто предупреждая нас о неизбежной опасности.

Едва заметный свет, появившись из ниоткуда, промелькнул над нашими головами. Подняв глаза, я увидел, что здание окружала странная система зеркал и света. Мы отступили в тень.

– Взгляните, Холмс! Одно из зеркал только что повернулось вокруг своей оси. Не думаю, что это из-за ветра. Интересно, для чего нужно такое приспособление?

Мой друг посмотрел наверх.

– Впервые вижу нечто подобное. Думаю, это оптическая система, позволяющая наблюдать за подступами к усадьбе из дома. Скоро мы это узнаем.

Холмс схватил камень с мостовой и бросил его в изгородь. И сразу почти все зеркала повернулись к месту удара, а мощный луч света выхватил из темноты кусок зарослей. Мы ед-

ва успели прыгнуть за куст, скрываясь от этого дьявольского ока.

Мгновение спустя огромные ворота раскрылись без малейшего шума и выпустили наружу двух мужчин, принявшихся с помощью фонарей ощупывать ночь. Мы затаили дыхание. Холод стал жестоким, и пошел ледяной дождь. Через несколько минут один из типов развернулся.

– Пойдем, никого здесь нет.

– Ты прав, – согласился второй. – Это скорее всего ветер. Наверное, старая ветка сломалась и упала.

Ворота бесшумно закрылись.

– Это не просто дом, а настоящая крепость, – пробормотал Холмс. – Трудно будет проникнуть туда незамеченными.

– Почему бы нам не попытаться пойти ва-банк? Мы могли бы позвонить в дверь и попросить провести нас к хозяину под каким-нибудь предлогом.

– Вряд ли нам удастся найти предлог, не вызывающий никаких сомнений. Предлагаю лучше дождаться, пока хозяин выйдет. Мы тогда попытаемся следовать за ним и…

Холмсу не удалось завершить фразу. Ворота открылись, и на улицу выкатил экипаж.

– Возможно, это наш шанс, Ватсон.

Мы побежали к нашему экипажу.

– Трогай! – приказал Холмс кучеру.

– Куда едем, господин?

– За тем экипажем!

Несмотря на дождь, который все усиливался, наш экипаж резво ехал добрую четверть часа. Поскольку почти ничего не было видно, я не знал, следуем ли мы по-прежнему за тем экипажем. Внезапно Холмс закричал:

– Стоп!

Кучер натянул поводья. Лошадь встала на дыбы, и фиакр, проехав несколько метров по льду, остановился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.